

АМЕРИКАНСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИСКУССТВ И НАУК

Российская Академия Наук

Ядерные опасности новой эры: Перспективы ядерного выбора России и США

Алексей Арбатов, Стивен Миллер

Ядерные опасности
НОВОЙ ЭРЫ:
Перспективы ядерного выбора
России и США

Алексей Арбатов, Стивен Миллер

Москва
Издательство «Весь Мир»
2021

© 2021 Американская академия искусств и наук.

Все права защищены.

Данная публикация доступна на сайте
<https://www.amacad.org/project/dialogue-arms-control-disarmament>

Издание на английском языке: *Steven E. Miller and Alexey Arbatov. Nuclear Perils in a New Era Bringing Perspective to the Nuclear Choices Facing Russia and the United States.* Cambridge, Mass.: American Academy of Arts and Sciences, 2020

Издание на русском языке осуществлено Издательством «Весь Мир» для Американской академии науки и искусств (Кембридж, штат Массачусетс).

Алексей Арбатов, Стивен Миллер

С 80 Ядерные опасности новой эры: перспективы ядерного выбора России и США / Американская академия наук и искусств М.: Издательство «Весь Мир», 2021. 80 с.

ISBN 978-5-7777-0851-9

Обложка: Хельсинки, Финляндия – 16 июля 2018 г.: в кадре флаги России и США перед встречей Президента России Владимира Путина и Президента США Дональда Трампа. Валерий Шарифулин/ТАСС (фото Валерия Шарифулина/ТАСС, Getty Images).

Данная публикация является частью проекта Американской академии «Содействие диалогу по контролю над вооружениями и разоружению». Мнения и заявления, изложенные в публикации, принадлежат авторам и могут не совпадать с мнением сотрудников и членов Американской академии искусств и наук.

Вопросы принимаются по адресу:

American Academy of Arts and Sciences
136 Irving Street
Cambridge, MA 02138
Telephone: 617-576-5000
Fax: 617-576-5050
Email: aaas@amacad.org
Web: www.amacad.org

Содержание

Введение	5
Возвращение безумной инерции? Взлет и падение системы контроля над ядерными вооружениями	7
<i>Алексей Арбатов</i>	
Эффект домино	9
Политические истоки кризиса	11
Технологические факторы распада	14
Уроки гонки вооружений времен холодной войны	19
Невыученные уроки	27
Размышления о разоружении	32
Взлет и падение глобального ядерного порядка?	40
<i>Стивен Миллер</i>	
Неуправляемое соревнование, 1945–1970 гг.: гонка к забвению?	43
Управляемое соперничество, 1970–2000 гг.: формирование архитектуры сдерживания	53
Прилив обращается вспять, 2000–2018 гг.: эрозия ядерного порядка	63
Заключение: новые реальности, новые вызовы	75
Об авторах	77
О проекте «Содействие диалогу по контролю над вооружениями и разоружению»	78

Введение

Авторитетные специалисты России и Соединенных Штатов предупреждают об угрозе ядерной войны, риск развязывания которой снова нарастает. Их тревога вызвана сложным, стремительно развивающимся комплексом тенденций и событий. Инновационные достижения в технологической сфере поставили под вопрос основные положения, лежавшие в основе концепции стратегической стабильности в отношениях между ядерными противниками. Появление обычных вооружений, способных выполнять задачи, которые ранее отводились исключительно ядерному оружию, привело к размыванию грани между обычными и ядерными военными операциями. Кибервойны и различные средства ведения боевых действий в космосе открывают новые горизонты риска, связанного с применением ядерного оружия. Усилия Соединенных Штатов, а также России, Китая, и Индии по защите от некоторых разновидностей ядерной угрозы путем создания систем противоракетной обороны способны спровоцировать гонку вооружений, в которой наступательные вооружения будут становиться все мощнее, а оборонительные системы – все совершеннее в противостоянии друг другу. В то время как США и Россия ведут программы модернизации всех оставляющих своих ядерных сил, за ними следуют Китай, Индия и Пакистан, которые создают собственные ядерные триады, состоящие из наземного, воздушного и морского компонентов. Это ведет к формированию сложной матрицы отношений между конкурирующими между собой ядерными державами. Такая система взаимоотношений является более сложной, чем двустороннее советско-американское соперничество времен холодной войны. И все это происходит в то время, когда отношения между США и Россией находятся в глубоком кризисе и одновременно разрушаются режимы контроля над ядерными вооружениями, построенные за последние полвека.

Именно в таких условиях государственные лидеры и руководящие органы обеих стран принимают решения по развитию ядерных сил, их задачам и о роли контроля над вооружениями в обеспечении национальной безопасности во все более неопределенной и опасной ситуации. Принятие решений в таких условиях требует широкого взгляда на проблемы – знания многолетнего опыта усилий России и Соединенных Штатов по строительству системы контроля над ядерными вооружениями, осознания уроков этого опыта и понимания вызовов, с которыми он был связан.

В данном издании два автора – один из России, другой из Соединенных Штатов – анализируют тот опыт и на его основе выявляют

огромное значение решений, стоящих перед руководителями двух стран. Несмотря на то, что две эти статьи сопоставимы по сфере охвата проблем и уровню обеспокоенности авторов состоянием дел, они были написаны независимо друг от друга и ранее публиковались в различных изданиях. Статья академика А.Г. Арбатова “Mad Momentum Redux? The Rise and Fall of Nuclear Arms Control”, впервые появилась в выпуске № 3 июнь-июль 2019 г. журнала “Survival”. Статья С. Миллера “The Rise and Decline of Global Nuclear Order” была опубликована в сборнике статей, подготовленном в рамках проекта Американской академии искусств и наук «Ответы на вызовы новой ядерной эпохи». Вместе эти статьи раскрывают историю и существо проблем, которые исключительно важно знать государственным лидерам для принятия решений в целях укрепления национальной безопасности своих стран в быстро меняющейся, сложной и потенциально опасной ситуации в области ядерных вооружений.

Эта публикация подготовлена благодаря щедрой поддержке Фонда Раймонда Франкеля.

А.М. Сергеев
Президент,
Российская академия наук

Дэвид Окстоби
Президент,
Американская академия искусств и наук

Возвращение безумной инерции? Взлет и падение системы контроля над ядерными вооружениями¹

Алексей Арбатов

В сентябре 1967 г. министр обороны США Роберт Макнамара выступил с речью, на которую в тот момент обратили мало внимания. Макнамара, один из наиболее выдающихся стратегов холодной войны, выступая в Сан-Франциско, заявил, что в формировании государственной политики ведущую роль стал играть технический прогресс: «Для развития любых ядерных вооружений характерна своеобразная “безумная инерция”. Если система вооружений работает, и работает эффективно, с самых разных сторон начинается давление, с тем чтобы произвести и развернуть такие вооружения в количествах, превышающих все разумные пределы»².

Действительно, чудовищная разрушительная сила и техническая сложность ядерных сил сделали важнейшие политические решения заложниками технических характеристик этих вооружений. Классический постулат Карла фон Клаузевица о том, что война есть продолжение политики другими средствами, в отношении ядерной войны можно было бы переформулировать следующим образом: «война есть продолжение технических характеристик систем оружия, определяющих доктрины, планы и обстоятельства их применения». В той же речи Макнамара отмечает, что «действия, в том числе реально возможные действия каждой стороны... вызывают противодействие другой стороны. Именно феномен “действие-противодействие” питает гонку вооружений»³. Он также признал то, что редко, если когда-либо, признавалось: «Если бы мы обладали более точной информацией о планах Советского Союза

¹ Более ранняя версия этой статьи была впервые опубликована в 61 (3) (июнь-июль 2019 г.) выпуске журнала «*Survival*», сс.7–38. Печатается с разрешения издания.

² Цит. по: McNamara Robert S. *The Essence of Security: Reflections in Office*. New York, Harper & Row, 1968. 166 p.

³ Ibid, с.58–59.

в области стратегических вооружений, нам бы просто не потребовалось создавать тот огромный ядерный арсенал, который мы имеем сегодня»⁴.

Эта глубокая мысль, прозвучавшая из уст высокопоставленного американского чиновника означала революцию в стратегическом мышлении своего времени. Прошло полвека, а эта мысль не потеряла своей актуальности. Прежде всего, Макнамара выдвинул концепцию выхода из «безумной инерции» гонки вооружений: «Мы не хотим гонки вооружений с Советским Союзом в основном потому, что феномен “действие-противодействие” делает ее глупой и бессмысленной. Обе наши страны выиграли бы от... соглашений сначала ограничить, а потом сократить наши наступательные и оборонительные ядерные силы»⁵. Два года спустя эта концепция послужила толчком к началу переговоров по стратегическим вооружениям между двумя ядерными сверхдержавами. За ними последовало сорок лет дипломатического взаимодействия США и Советского Союза (впоследствии России) и заключение девяти важных договоров и соглашений по ядерным вооружениям. Численность и совокупная поражающая сила ядерного оружия были радикально сокращены, вероятность ядерной войны существенно снизилась, в сфере ядерных вооружений была обеспечена беспрецедентная транспарентность и предсказуемость, за которую ратовал Роберт Макнамара.

Во-вторых, идеи Макнамары сегодня снова актуальны, поскольку система контроля над вооружениями, выстроенная во времена холодной войны, начала разрушаться, и это создает угрозу возвращения к бесконтрольной гонке ядерных вооружений.

В-третьих, нынешние лидеры ведущих ядерных держав, их военно-политические элиты имеют искаженное представление об истории гонки ядерных вооружений и контроля над ними, что заставляет их недооценивать опасность порочного круга гонки вооружений и международных кризисов, которые она провоцирует. Президент России Владимир Путин недавно выразил надежду, что в мире не создается «никаких новых кризисов типа Карибского», и добавил, что «если там кто-то этого хочет, то пожалуйста»⁶.

Есть серьезные сомнения, что мировое сообщество способно пройти через очередную фазу международной напряженности, минуя крупный кризис, и предотвратить эскалацию такого кризиса в ядерный Армагеддон.

⁴ Ibid, с.58.

⁵ Ibid, с.62.

⁶ Путин предостерег США от нового Карибского кризиса. *РИА Новости*, 20.02.2019. Available at: <https://ria.ru/20190220/1551153828.html>.

Эффект домино

Распад системы контроля над вооружениями сегодня очевиден и широко обсуждается в разных странах, профессиональных сообществах и средствах массовой информации. Тем не менее, есть смысл подробнее остановиться на целом ряде назревающих системных кризисов.

Выход США и России из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) от 1987 г. было последним поворотным моментом. С учетом выхода США в 2002 г. из Договора 1972 г. об ограничении систем противоракетной обороны (ДПРО) это устранило последний краеугольный камень режима сокращения ядерных вооружений, начавшегося в 1991 г. с Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (ДСНВ-1). Прошло десять лет с тех пор как Россия и США перестали обсуждать какие-либо варианты следующего после Договора СНВ-3 (Пражского ДСНВ): это явилось самой длительной паузой в 50-летней истории переговоров по стратегическим вооружениям. Хотя обе стороны выполнили свои обязательства по сокращениям в рамках действующего ДСНВ к крайнему сроку в феврале 2018 г. (хотя и с рядом оговорок со стороны России) и продление уже успешно осуществлено, срок действия договора истекает в 2026 году. После аннулирования ДРСМД и с учетом глубоких противоречий между сторонами по противоракетной обороне и другим важным вопросам, шансы на успех в переговорах по новому соглашению невелики.

На фоне очевидного отказа от двустороннего контроля над ядерным оружием США и Россия вступают в новый виток гонки вооружений. Беспрецедентным является то обстоятельство, что эта гонка будет включать соперничество не только в области наступательных ядерных вооружений, но также в области наступательных и оборонительных стратегических неядерных вооружений, систем оружия средней дальности и разработок космических вооружений и кибероружия.

Россия занималась модернизацией своей стратегической триады более десяти лет: разрабатывались и развертывались две новые системы межконтинентальных баллистических ракет (МБР) (РС-24 «Ярс» и РС-28 «Сармат»), система баллистической ракеты подводных лодок (БРПЛ) (РСМ-56 «Булава»), два типа тяжелых бомбардировщика (ТУ-160М «Белый лебедь» и ПАК ДА), а также воздушные, наземные и морские крылатые ракеты большой дальности двойного назначения (в ядерном и обычном оснащении (Х-102/101, 9М729 и 3М14 соответственно).

Также Россия занимается разработкой и развертыванием продвинутых ядерных систем и оружия двойного назначения, которые были анонсированы в речи Путина 1 марта 2018 г. Это гиперзвуковой

Прошло десять лет с тех пор как Россия и США перестали обсуждать какие-либо варианты следующего после Договора СНВ-3 (Пражского ДСНВ): это явилось самой длительной паузой в 50-летней истории переговоров по стратегическим вооружениям

ракетно-планирующий комплекс «Авангард»; подводный высокоскоростной беспилотный аппарат большой дальности с ядерной силовой установкой и ядерным боезарядом «Посейдон»; система межконтинентальной крылатой ракеты с ядерным двигателем «Буревестник»; гиперзвуковой авиационный ракетный комплекс средней дальности «Кинжал»; а также ряд других тактических ядерных систем и средств двойного назначения⁷. После конца Договора РСМД стало возможным развертывание наземных крылатых ракет средней дальности типа «Калибр» и сверхзвуковых ракет (Более того, правительство США утверждает, что Россия уже развернула крылатые ракеты наземного базирования типа «Калибр» (3М14)).

Тем временем, США разрабатывают стратегические системы для нанесения ограниченных ядерных ударов. Сюда входят баллистическая ракета подводных лодок (БРПЛ) «Трайидент-2», оснащенная боеголовкой малой мощности W76-2, управляемые авиабомбы с вариативной мощностью заряда (B61-12) для тяжелых бомбардировщиков и тактических ударных самолетов, ядерные крылатые ракеты воздушного базирования большой дальности, а также ядерные ракеты морского базирования. Выход США из ДРСМД придал дополнительное ускорение разработке наземных ракет средней дальности, баллистических и сверхзвуковых систем. В более отдаленной перспективе, начиная с середины 2020-х годов, США планируют полностью модернизировать свою стратегическую триаду, заменив на новые системы тяжелые бомбардировщики, межконтинентальные баллистические ракеты и ядерные подводные лодки с БРПЛ⁸.

В отличие от времен холодной войны, в новой гонке ядерных вооружений, помимо США и России, будут и другие участники: Китай, Индия, Пакистан, Израиль и Северная Корея. Ускорение гонки вооружений, несомненно, подорвет режим ядерного нераспространения. Обзорная Конференция 2015 г. Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) завершилась провалом, а следующая конференция 2020 г., скорее всего, тоже не будет успешной. Ядерные государства отказались от своих обязательств по Статье VI ДНЯО: «в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем». Далее ситуация лишь усугублялась: США вышли

В отличие от времен холодной войны, в новой гонке ядерных вооружений, помимо США и России, будут и другие участники: Китай, Индия, Пакистан, Израиль и Северная Корея

⁷ Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>.

⁸ Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense, February 2018. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL>. p. 23

из многостороннего соглашения по ядерной программе Ирана от 2015 г.; обсуждение зоны, свободной от оружия массового поражения на Ближнем Востоке, зашло в тупик; Договор о запрещении ядерного оружия, принятый на Генеральной Ассамблее ООН в июле 2017 г., вызвал глубокий раскол между ядерными и неядерными государствами – участниками ДНЯО⁹. Нормы, заложенные в ДНЯО, вероятно, будут соблюдаться все меньше, и данный Договор перестанет быть эффективным инструментом регулирования будущего роста мировой атомной энергетики и торговли ядерными материалами и технологиями. В результате граница между мирным и военным использованием атомной энергии на протяжении всего ядерного топливного цикла станет еще более размытой.

Очередной виток гонки вооружений между ядерными государствами может вызвать новую волну ядерного распространения: к «ядерному клубу» вполне могут присоединиться Иран и Саудовская Аравия, равно как и Бразилия, Египет, Нигерия, Тайвань, Турция, Южная Корея и Япония. В итоге это поставит крест на Соглашении о прекращении ядерных испытаний, которое вот уже 23 года никак не вступит в законную силу из-за отказа США и некоторых других стран его ратифицировать. Под грохот ядерных взрывов умрет тихой смертью Договор о прекращении производства расщепляющихся материалов, переговоры по которому буксуют более четверти века. В результате наращивания производства оружейного плутония и урана, а также распространения ядерного оружия в нестабильных регионах мира ядерные взрывчатые вещества рано или поздно попадут в руки террористов. Это может стать концом современной цивилизации, если только война между ядерными государствами не покончит с ней еще раньше.

Роберт Макнамара, вероятно, был бы приятно удивлен, узнав, что за его выступлением в 1967 г. последовали пять десятилетий успешных переговоров по контролю над ядерным оружием и его нераспространению. Однако, предстоящее крушение его надежд и идей, скорее всего, свергло бы его в глубокую депрессию.

Политические истоки кризиса

Текущая конфронтация между Россией и Западом, а также между США и Китаем усложняет контроль над вооружениями и провоцирует ядерную гонку, однако корни кризиса уходят гораздо глубже. Прежняя система контроля над ядерными вооружениями зародилась преимущественно в условиях биполярного мира, в котором США и Советский Союз более-менее удерживали баланс сил, а между ядерными и обычными вооружениями была относительно четкая граница. За последние

⁹ *Договор о запрещении ядерного оружия*. ООН, 07.07.2017. Available at: <http://undocs.org/ru/A/CONF.229/2017/8>.

За последние пятьдесят лет стратегическая обстановка существенно изменилась, однако система контроля над вооружениями не смогла адаптироваться к этим переменам

пятьдесят лет стратегическая обстановка существенно изменилась, однако система контроля над вооружениями не смогла адаптироваться к этим переменам.

Крах Советского Союза ускорил формирование многополярного мира. Все более важную международную роль стали играть и другие центры силы: Китай и Евросоюз в мировом масштабе; Индия, Иран, Пакистан, Турция и Япония – в региональном. За редким исключением, контроль над ядерными вооружениями не был в числе приоритетов их внешней политики и концепций безопасности. Кроме того, в 1990-е годы крупные мировые игроки перешли от конфронтации к сотрудничеству, что свело вероятность войны между ними практически к нулю. В результате на первые места в повестке международной безопасности вышли этнические и религиозные конфликты, международный терроризм, ядерное распространение, а также незаконный оборот оружия и наркотиков. Беспрецедентное улучшение отношений между Россией и Западом позволило на какое-то время достичь серьезных успехов в контроле над ядерными вооружениями: огромные запасы, накопленные за годы холодной войны, были сокращены почти на порядок по численности вооружений и еще более радикально по их совокупной разрушительной мощи¹⁰. Это было достигнуто за счет односторонних сокращений, проведенных Великобританией, Россией, США и Францией, и в еще большей степени в рамках Договоров РСМД, СНВ-1 (1991), СНВ-2 (1993), рамочного соглашения СНВ-3 (1997), Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП) от 2002 г. и, наконец, Договора СНВ-3 (2010). Однако, в ходе выполнения этих соглашений наблюдалась подспудная тревожная тенденция, поскольку значительные успехи 1987–1997 гг. повлекли всеобщее самоуспокоение.

Несмотря на регулярные призывы Москвы превратить двусторонний процесс сокращения вооружений в многосторонний, к которому время от времени присоединялся Вашингтон, остальные семь ядерных держав эту идею не поддержали, указывая на то, что на долю России и США по-прежнему приходится более 90 % мирового арсенала ядерного оружия. Участвовать в многостороннем процессе ядерного разоружения они согласились бы только при условии еще большего сокращения ядерных арсеналов двух ведущих ядерных держав. Между тем, был заключен целый ряд многосторонних договоренностей: бессрочное продление ДНЯО (1995), подписание ДВЗЯИ (1996) и принятие Дополнительного протокола к ДНЯО, который расширил контрольные полномочия МАГАТЭ (1997). Однако, две ведущие ядерные державы не смогли

¹⁰ Расчеты основаны на SIPRI Yearbook 2017: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford, Oxford University Press, 2017. pp. 648–717; и SIPRI Yearbook 1990: World Armaments and Disarmament. Oxford, Oxford University Press, 1991. pp. 3–51.

выработать последовательные и справедливые принципы многостороннего ограничения ядерного оружия (паритет, стратегическая стабильность, национальные или агрегированные квоты для третьих ядерных государств) или предложить третьим странам разумный и последовательный план присоединения к данному процессу. Не удалось также выработать практичный и содержательный план переговоров по классам и типам вооружений, который включал бы в себя реалистичные методы верификации.

На фоне продолжающегося распространения баллистических и крылатых ракет средней и большой дальности два ведущих государства оказались неспособны адаптировать существующие соглашения по контролю над вооружениями (в частности, это касается Договора по ПРО, ДРСМД и договора на смену ДСНВ-3) к новой военно-политической обстановке. Вместо этого все чаще стали звучать призывы аннулировать эти договоры на том основании, что ядерным оружием обладают и другие страны мира. Еще одной ошибкой было распространенное убеждение, что улучшение политических и экономических отношений между государствами обесценивает контроль над вооружениями. В реальности, существует большая разница между тем, чтобы перестать быть врагами и тем, чтобы стать союзниками, и поэтому контроль над вооружениями остается полезным, если не главным инструментом для сокращения этого разрыва. Ядерная гонка между Россией и США в 1990–2000-е годы фактически прекратилась¹¹. Однако, военный потенциал государств и негосударственных субъектов существенно окреп за счет других технологий. В результате чего оказались размыты традиционные границы между ядерными и неядерными, наступательными и оборонительными вооружениями, а также глобальными и региональными системами.

Когда в 2009 г. истек срок действия Договора СНВ-1, администрации Барака Обамы и правительству Дмитрия Медведева пришлось в ускоренном темпе разрабатывать новый договор (Пражский ДСНВ-3), который фактически узаконил численность ядерных вооружений, обозначенную в Договоре о сокращении стратегических наступательных потенциалов (ДСНП) 2002 г. Будучи полезной временной мерой, договор не затрагивал новые разработки в области вооружений и был весьма смягчен в своих традиционных

Фактическая приостановка активного процесса контроля над вооружениями после 1997 г. и в большей степени после 2010 г. привели к всеобъемлющему распаду системы контроля над вооружениями и началу нового цикла гонки вооружений.

¹¹ В качестве примеров сохранившихся в тот период небольших и неспешных программ модернизации можно привести американскую программу переоснащения подводных лодок ракетами «Трайден-2» вместо ракет «Трайден-1» и развертывание Россией межконтинентальных ракетных комплексов РС-12М «Тополь» на смену более старым наземным и морским комплексам, подводным лодкам стратегического назначения и бомбардировщикам.

ограничениях, в том числе в правилах засчета и режиме верификации¹². С тех пор не было никакого прогресса. Фактическая приостановка активного процесса контроля над вооружениями после 1997 г. и в большей степени после 2010 г. привели к всеобъемлющему распаду системы контроля над вооружениями и началу нового цикла гонки вооружений.

Технологические факторы распада

Новейшие тенденции в сфере военных технологий размывают четкие границы между ядерными вооружениями и неядерными наступательными системами. Особенно важным является развитие высокоточных

Новые высокоточные наступательные вооружения большой дальности размывают ядерный порог несколькими путями

неядерных крылатых ракет большой дальности воздушного и морского базирования, в которых используется передовая электроника и информационно-управляющие системы, которые все больше разворачиваются в космосе. Эффективность такого типа оружия была продемонстрирована в ходе военных конфликтов в Ираке (1990, 2003), Косово (1999), Ливии (2011) и Сирии (2014–2018)¹³. Новые

высокоточные наступательные вооружения большой дальности размывают ядерный порог несколькими путями. Во-первых, в большинстве из них используются средства доставки двойного назначения, и их применение до самого момента подрыва невозможно отличить от ядерного удара¹⁴. Во-вторых, многие вооружения способны поражать ядерные силы, командные пункты и информационные системы противника, что потенциально может вызвать ответный или упреждающий

¹² Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов 2002 г. ограничивал число ядерных боезарядов до 1700–2200 для каждой из сторон, в то время как Договор СНВ-3 2010 г. сократил число боезарядов до 1550 ед. Однако новые правила учета давали сторонам значительные послабления. Например, стратегические бомбардировщики учитывались как одно средство доставки с одной боеголовкой, в то время как каждый мог нести от 12–20 ядерных крылатых ракет и бомб свободного падения. Подводные лодки, находящиеся на капитальном ремонте, и другие вооружения, не находящиеся в состоянии боеготовности, не подлежали основному засчету. Таким образом, фактическая численность по Договору СНВ-3, если оценивать ее по правилам Договора СНВ-1, оказывалась ближе к 2000 боезарядов с каждой стороны.

¹³ Это относится к таким американским системам, как крылатая ракета морского базирования «Томахок» (BGM-109) и крылатые ракеты воздушного базирования (AGM-84, AGM-158B JASSM-ER). Следует также упомянуть российские неядерные крылатые ракеты корабельного базирования «Калибр» ЗМ-54 и ЗМ-14, а также авиационные крылатые ракеты Х-55СМ, Х-555 и Х-101.

¹⁴ К таковым относятся тяжелые и средние бомбардировщики, тактические ударные самолеты, корабли и ударные подводные лодки, которые можно оснастить как ядерными, так и обычными боезарядами: крылатые ракеты морского базирования «Калибр» и «Томахок» (некоторые из них будут вновь оснащены ядерными боезарядами), крылатые ракеты воздушного базирования типа Х-101/102 или AGM-158, а также тактические баллистические и крылатые ракеты наземного базирования типа «Искандер».

ядерный удар. Угроза, которую представляют американские крылатые ракеты большой дальности для России, может быть преувеличивается, поскольку российские шахтные пусковые установки и подземные командные пункты надежно укреплены¹⁵. Тем не менее, такие вооружения США в состоянии поразить радиолокационные станции раннего обнаружения, незащищенные укрытия наземно-мобильных МБР, ракетные подводные лодки в базах и тяжелые бомбардировщики на аэродромах, а также незащищенные объекты управления и связи.

Гораздо большую потенциальную угрозу для стратегических целей несет перспективное гиперзвуковое оружие¹⁶. США разрабатывают и испытывают несколько систем подобного типа. Недавно Россия опередила США в разработке таких систем, представив свой аналог – «Авангард»¹⁷. В 2019 г. планируется оснащение им модифицированных МБР РС-18, а в дальнейшем, возможно, аналогичное оснащение новых тяжелых межконтинентальных ракет РС-28 «Сармат», которые должны заменить тяжелые МБР РС-20 «Воевода». США и Россия являются не единственными странами, которые разрабатывают высокоточные неядерные вооружения большой дальности, в том числе гиперзвуковое оружие. Китай в ускоренном темпе работает над собственными вооружениями такого типа, Индия также разрабатывает подобное оружие, и другие страны, вероятно, последуют их примеру.

Концепции и средства ведения ограниченной ядерной войны («гибкие ядерные опции») также размывают ядерный порог. США, очевидно, связывают возможность ведения такой войны со стратегическими и тактическими бомбами B61-12, боезарядами пониженной мощности W76-2 для определенной части своих баллистических ракет морского базирования «Трайидент-2», ядерными крылатыми ракетами большой дальности воздушного базирования (LRSO) и новыми морскими крылатыми ракетами средней дальности¹⁸. Позиция России по вопросу ведения ограниченной ядерной войны остается неопределенной, но некоторые неофициальные источники упоминают ее в связи со стратегическими ядерными носителями, как гиперзвуковой комплекс «Авангард», и разнообразные тактические ядерные системы¹⁹.

¹⁵ Арбатов А.А., Дворкин В.З. отв. ред. *Ядерное распространение: новые технологии, вооружения и договоры*. Московский Центр Карнеги, 2009. сс. 85–103; Арбатов А.А., Дворкин В.З., Бубнова Н.И. отв. ред. *Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество*. Московский Центр Карнеги, 2013. сс. 183–225.

¹⁶ Acton J.M. *Silver Bullet? Asking the Right Questions About Conventional Prompt Global Strike*. Washington, D.C., Carnegie Endowment for International Peace, 2013. pp. 33–63. Available at: <http://carnegieendowment.org/2013/09/03/silver-bullet-asking-right-questions-about-conventional-prompt-global-strike-pub-52778>.

¹⁷ Послание Президента Федеральному Собранию.

¹⁸ Nuclear Posture Review, **xii**.

¹⁹ См. в Бойцов М.Ф. Терминология в военной доктрине, *Независимое военное обозрение*, 03.10.2014; и Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М. Аэростат – друг «Сармата». *Военно-промышленный курьер*, 12–18 октября 2016, с.6. Available at: <http://www.vpk news.ru>.

Неограниченный характер американской системы ПРО и отказ США от любых ее технологических или стратегических ограничений, как и от создания для этой программы режима предсказуемости вызывают обоснованные стратегические опасения

Еще один путь технологического развития – размывание границы между наступательными и оборонительными системами. В 2007 г. США начали развертывание глобальной системы противоракетной обороны с региональными сегментами в евроатлантическом и тихоокеанском регионах. США отказались создавать совместную систему и, несмотря на возражения со стороны России, не взяли на себя юридически обязывающие обязательства не адаптировать свою систему ПРО под задачи перехвата российских ракет. В 2011 г. Россия запустила собственную программу защиты воздушного пространства, которая включает развитие противоракетной обороны²⁰. Некоторые высокопоставленные российские военные и представители военной промышленности считают, что потенциал ПРО США в отношении российских стратегических вооружений несущественен, поскольку российские МБР и БРПЛ многочисленны, надежно защищены от удара и оснащены эффективными средствами преодоления систем ПРО²¹. Многие российские и американские специалисты по обороне и безопасности разделяют эту позицию²². Однако российское политическое руководство продолжает настаивать на том, что система противоракетной обороны США угрожает российским силам ядерного сдерживания и двусторонней стратегической стабильности. Хотя подобные утверждения в значительной степени политически мотивированы, неограниченный характер американской системы ПРО и отказ США от любых ее технологических или стратегических ограничений, как и от создания для этой программы режима предсказуемости вызывают обоснованные стратегические опасения.

В итоге, новые оборонные программы США концептуально подрывают введенное Макнамарой стратегическое разделение между «наступательными» системами ПРО, призванными нейтрализовать возможность второго удара со стороны противника, и «оборонительными» ПРО, которые должны защитить стратегические силы ответного удара от обезоруживающего удара противника или от ядерного нападения третьей стороны²³. Эта концепция размывается и на оперативном уровне. Россия не видит различий между американскими антиракетами «СМ-3», развернутыми на морских системах «Иджис» и наземных системах «Иджис Ашор» в Румынии и Польше и универсальными пусковыми

²⁰ Расширенное заседание коллегии Министерства обороны. *Президент России*, 19.12.2014. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/47257>.

²¹ Ibid.

²² Дворкин В., Пырьев В. Программа США/НАТО и стратегическая стабильности, см. в: Арбатов А.А., Дворкин В.З., Бубнова Н.И., отв. ред. *Противоракетная оборона*. сс. 183–203.

²³ McNamara. *The Essence of Security*. pp. 63–66.

установками «Мк-41» с крылатыми ракетами «Томахок» морского базирования. Таким образом, Россия имеет основания утверждать, что США нарушают условия ДРСМД, запрещающие развертывание наземных крылатых ракет большой дальности и их пусковых установок.

Разработка систем ПРО с противоспутниковым потенциалом также является дестабилизирующим фактором. В США наиболее современная система этого класса – модифицированная версия противоракетной и противоспутниковой системы морского базирования «Иджис Мк7», оснащенная ракетами «СМ-3» и самонаводящейся кинетической боеголовкой, испытанная против спутника в 2008 г.²⁴ Россия заявляет о противоспутниковом потенциале своих ракетных комплексов ПРО типа С-500, а также у новых систем противоракетной и противоспутниковой обороны большой дальности «Нудоль» (аналог американской наземной противоракетной системы на Аляске и в Калифорнии), которая стала частью системы противоракетной обороны Московского района А-235²⁵. Китай, присоединившись к гонке противоспутниковых систем, протестировал свою собственную в 2007 г., а Индия провела первое испытание в 2019 г. В конце 1970-х и 1980-х годах проходили переговоры между Москвой и Вашингтоном по космическим вооружениям, а в 2000-х годах имели место многосторонние переговоры, но они не увенчались успехом. Не продвинулся дальше предварительных консультаций и диалог о возможностях кибервойны, которые будут иметь негативные, хотя пока и не очень определенные последствия для стратегической стабильности.

Не продвинулся дальше предварительных консультаций и диалог о возможностях кибервойны, которые будут иметь негативные, хотя пока и не очень определенные последствия для стратегической стабильности

Очередной жертвой технологического развития стало разграничение между глобальными и региональными, наступательными и оборонительными вооружениями. Эта граница никогда не была незыблимой – достаточно вспомнить споры времен холодной войны о советских ракетах на Кубе или о американских ракетах передового базирования или ударной авиации. Однако сегодня размывание этой границы создает все больше стратегических проблем. Региональные системы ПРО США в Европе и Азии, нацеленные на перехват иранских и северокорейских ракет, воспринимаются Россией и Китаем как способные перехватить их стратегические МБР и БРПЛ на разгонном участке полета, таким образом обесценивая их потенциал сдерживания. Со своей стороны, эти державы разрабатывают целый ряд ракетных комплексов для преодоления систем ПРО. А США планируют противопоставить этим программам

²⁴ Дворкин В. Программы космических вооружений, см. в: Арбатов А.А., Дворкин В.З., отв. ред. Космос: оружие, дипломатия, безопасность. Московский Центр Карнеги, 2009. сс. 30–45.

²⁵ Тучков В. А-235 “Нудоль” – истребитель американских спутников. *Свободная Пресса*, 19.06.2017. Available at: <http://svpressa.ru/war21/article/174898/>.

Очередной жертвой технологического развития стало разграничение между глобальными и региональными, наступательными и оборонительными вооружениями

собственные новые ядерные вооружения, о чем было заявлено в Обзоре ядерной политики Министерства обороны США 2018 г.

Россия и Китай расценивают применение со стороны США высокоточных неядерных систем большой дальности (дозвуковых, а в будущем – гиперзвуковых) против враждебных региональных режимов и террористов как скрытую угрозу неядерных контрсиловых ударов по себе. В ответ Россия развертывает системы ПРО и наступательные системы

большой дальности двойного назначения, Китай – аналогичные наступательные неядерные вооружения. В Обзоре ядерной политики США эти меры рассматриваются как новые угрозы, которые следует сдерживать, среди прочего, угрозой ответного ядерного возмездия²⁶.

Россия, обеспокоенная размещением третьими странами ракет средней дальности в Азии в непосредственной близости от своей территории, на высоком официальном уровне выступала с критикой Договора о РСМД 1987 г., поскольку он запрещал размещение исключительно российского и американского оружия подобного рода²⁷. В 2018 г. Вашингтон повторил этот аргумент, объявив о своем праве размещать ракеты средней дальности для противодействия аналогичным китайским вооружениям. В подобной политической обстановке взаимные обвинения в нарушении условий договора набирали обороты и привели к его краху.

Такие системы все больше влияют на стратегическую стабильность, поэтому исключение их из соглашений по контролю над вооружениями отразится на эффективности ядерного разоружения. С другой стороны, включение подобных вооружений в соглашения создало бы серьезные проблемы с дефинициями, правилами засчета и верификации, особенно ввиду того, что неядерные вооружения широко использовались и, скорее всего, будут использоваться США, Россией и другими странами в локальных военных операциях.

Особенно тяжелый удар по системе контроля над ядерным вооружением был нанесен резким поворотом в мировой политике. После 2012 г. Москва приступила к укреплению своего влияния на постсоветском пространстве (Грузия, Украина) и к расширению присутствия за его пределами (Сирия, Венесуэла). В связи с этим началась модернизация российских неядерных вооружений, а также ускорилась начатая ранее программа обновления ее ядерных сил. В ответ на это США и их союзники ввели против России экономические санкции и возродили

²⁶ Nuclear Posture Review. p. 21.

²⁷ Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». *Президент России*, 19.09.2013. Available at: <http://news.kremlin.ru/news/19243>; и Договор по РСМД не может действовать бесконечно, заявил Иванов. *РИА Новости*, 21.06.2013. Available at: <https://ria.ru/20130621/945019919.html>.

антироссийскую стратегию изоляции, сдерживания и наращивания вооружений. Вспыхнула ожесточенная пропагандистская борьба, подкрепленная хакерскими диверсионными операциями. Военное соперничество между Россией и США обострилось в Восточной Европе, Прибалтике и на Черном море, а также в Арктике и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Уроки гонки вооружений времен холодной войны

Руководство администрации Гарри Трумэна ожидало, что потребуется, как минимум, целое поколение, прежде чем Советский Союз разрушит возникшую в конце Второй Мировой войны монополию США на ядерное оружие²⁸. Однако, не без помощи разведки удалось сократить это время до четырех лет. Попытка США восстановить свое превосходство путем проведения испытания термоядерного оружия 31 октября 1952 г. на атолле Эниветок в Тихом океане была сорвана тем, что 12 августа 1953 г. Советский Союз провел собственное испытание водородной бомбы. Как отметил Даниэль Эллсберг, один из «вундеркиндов» Макнамары, в последующие десятилетия производство ядерного и термоядерного оружия продолжилось немыслимыми темпами, как правило, без какого-либо рационального обоснования. США увеличивали производство оружия в соответствии с постоянно растущим списком целей, а Советский Союз старался не отставать²⁹. Эта политика привела к тому, что у двух стран накопились запасы, способные многократно уничтожить все живое на планете.

Согласно «Единому интегрированному оперативному плану» стратегического авиационного командования США (SIOP-62), на любой вооруженный конфликт с СССР следовало немедленно ответить массированными воздушными ударами 1850 тяжелых и средних бомбардировщиков, которые должны были сбросить 4700 атомных и водородных бомб на города и военные объекты СССР, Китая и их союзников³⁰. По расчетам Пентагона, этот удар повлек бы человеческие жертвы на территории противника и соседних нейтральных стран порядка 800 млн убитыми, что составляло на тот момент около 1/3 населения планеты³¹.

Ядерный арсенал США, который к 1965 г. вырос до 34 600 боезарядов, к концу 1980-х годов сократился до 24 700 ед. Арсенал СССР постоянно увеличивался и, по самым высоким оценкам, находящимся в открытом доступе, в конце 1980-х годов вышел на уровень 46 100 боезарядов. Общая поражающая сила ядерного арсенала США на своем пике

²⁸ Ellsberg Daniel. *The Doomsday Machine: Confessions of a Nuclear War Planner*. New York, Bloomsbury, 2017. pp. 266–268.

²⁹ Ibid. p. 270.

³⁰ Kaplan F. *The Wizards of Armageddon*. New York, Simon & Schuster, 1983. p. 269.

³¹ Ellsberg. *The Doomsday Machine*. pp. 100–104.

Общая поражающая сила ядерного арсенала США на своем пике в 1960 г. достигала 19 000 Мт; советский ядерный арсенал достиг пика в 1975 г. с поражающей силой 19 700 Мт

в 1960 г. достигала 19 000 Мт; советский ядерный арсенал достиг пика в 1975 г. с поражающей силой 19 700 Мт. Совокупно к 1973–1974 гг. обе ядерные супердержавы накопили ядерный потенциал в 26 000 Мт, эквивалентный 1.3 млн бомб, сброшенных на Хиросиму³². В 2015 г. Уильям Перри, министр обороны США в 1993–1996 гг., писал:

Оглядываясь на те годы, я вижу примеры слишком хорошо знакомого иррационального, слишком эмоционального мышления, которое... порождало неистовые дебаты о ядерной стратегии, заставляло увеличивать разрушительную силу нашего ядерного оружия до невероятных масштабов и поставило нас на грань ядерной войны... Даже до наращивания ядерных арсеналов в 1970–1980-е годы наших ядерных сил было более чем достаточно, чтобы взорвать весь мир... Но мы маниакально твердили об их неадекватности и фантазировали насчет «окна уязвимости». Оба правительства – и наше, и советское – сеяли панику среди своих народов. Мы вели себя так, словно мир ничуть не изменился с наступлением ядерной эры, которая на самом деле изменила его в корне и навсегда³³.

Соперничество двух супердержав в области средств доставки ядерных боезарядов можно разделить на четыре отдельных этапа, которые накладывались друг на друга. В конце 1940-х и 1950-х годов разрабатывались бомбардировщики и ракеты средней дальности; в 1960-е и ранние 1970-е годы – стратегические баллистические ракеты наземного и морского базирования; в 1970-е и начале 1980-х годов – баллистические ракеты с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН); наконец, в 1980-е годы – крылатые ракеты средней дальности и стратегические баллистические ракеты с увеличенной эффективностью поражения защищенных целей (т.е. способные разрушать укрепленные шахтные пусковые установки МБР и командные пункты). До конца 1980-х годов на каждом цикле гонки вооружений шло развертывание систем носителей нового поколения, которые полностью и частично заменяли предыдущие системы.

В зависимости от различных систем вооружений менялась и вероятность развязывания ядерной войны. Некоторые, например, баллистические ракеты морского базирования большой дальности и МБР в укрепленных шахтных и мобильных пусковых установках снижали вероятность начала войны, поскольку они обеспечивали возможность нанесения ответного удара. Другие, такие как МБР и БРПЛ с улучшенной

³² Cochran Thomas B., Arkin William M, и Hoeing Milton M. *Nuclear Weapons Databook: Vol. IV–Soviet Nuclear Weapons*. New York, Harper & Row, 1989, pp. 22–27, 42–43.

³³ Perry W. *My Journey at the Nuclear Brink*. Palo Alto, CA, Stanford University Press, 2015. p. 55.

возможностью нанесения контрсилового (обезоруживающего) удара, повышали угрозу нанесения первого или упреждающего удара. Так или иначе в Сан-Франциско Макнамара признал величайший парадокс ядерного оружия:

Несмотря на то, что термоядерное оружие непостижимо в своем величии и предлагает практически неограниченные возможности уничтожения, оно оказалось весьма ограниченным инструментом дипломатии... Существует устойчивая психологическая тенденция считать превосходящие ядерные силы простым и безотказным средством обеспечения безопасности... Следует понять, что наши стратегические ядерные силы играют критически важную и незаменимую роль как нашей безопасности, так и для безопасности наших партнеров, но эта роль ограничена в силу своей природы³⁴.

Парадокс Макнамары – это главный урок, который можно вынести из 70-летней гонки ядерных вооружений. Всего два-три десятилетия назад, в конце 1980-х и 1990-х годов, его точка зрения принималась как в евроатлантическом, так и в постсоветском политико-стратегических сообществах, однако в настоящее время она все чаще ставится под сомнение. Хотя сегодня совокупная численность и мегатоннаж американского и российского арсеналов во много раз меньше, чем во времена Макнамары, текущий ядерный баланс по-прежнему имеет избыточный поражающий потенциал: примерно 1 600 Мт, или около 80 000 Хиросим³⁵. Кроме того, современные государства гораздо менее толерантны к военным потерям и гораздо более уязвимы в социально-экономическом отношении, чем во времена холодной войны. Несмотря на то, что современное общество слабее и менее склонно идти на риск, США и Россия считают поражающую способность своих арсеналов недостаточной для эффективного сдерживания. Урок Макнамары, похоже, ничему не научил политиков. Как представляется, их в большей степени заботят технологические прорывы ради достижения теоретически решающего военного превосходства, чем реальное укрепление национальной и международной безопасности путем совершенствования системы контроля над вооружениями.

В истории гонки ядерных вооружений есть примеры первоначальных стратегических прорывов, которые впоследствии нанесли серьезный вред собственной национальной безопасности. Первыми создав ядерное

Макнамара признал величайший парадокс ядерного оружия:

Несмотря на то, что термоядерное оружие непостижимо в своем величии и предлагает практически неограниченные возможности уничтожения, оно оказалось весьма ограниченным инструментом дипломатии...

³⁴ McNamara. *The Essence of Security*. pp. 59–60.

³⁵ Сивков К. Разоружён и очень опасен. *Военно-промышленный курьер*, 22–28 марта 2017 г. сс. 1–4.

В истории гонки ядерных вооружений есть примеры первоначальных стратегических прорывов, которые впоследствии нанесли серьезный вред собственной национальной безопасности

оружие, США рассчитывали на долгосрочное мировое доминирование. В то время под этим подразумевалось использование ядерной угрозы для сдерживания экспансии коммунистического режима Иосифа Сталина и при необходимости ядерную бомбардировку крупнейших городов СССР. По воспоминаниям Джона Ньюхауса, после внимательного рассмотрения так называемого «плана Баруха», который предполагал передачу ядерного оружия и технологий МАГАТЭ, организации в системе

ООН, в 1946 г. администрация Трумэна приняла «антисоветский курс... который сопровождался убежденностью, что советская наука всегда будет отставать от американской, безопасность которой... должна основываться на всевозможном сохранении максимального отрыва от противника в области передовых вооружений»³⁶.

Как известно, прошло три года и США потеряли свою монополию на ядерное оружие, а еще через десять лет, после того как СССР создал собственные бомбардировщики большей дальности и МБР, США раз и навсегда утратили традиционную неуязвимость в конфликтах и войнах, которая обеспечивалась двумя океанами, отделявшими их территорию. Через 30 лет после Хиросимы Китайская Народная Республика оказалась способна нанести ракетно-ядерный удар по США, а еще через 50 лет это может сделать уже Северная Корея. Возможно, создание атомной бомбы было неизбежно. Но очевидно, что и Трумэн, и другие официальные лица США того времени не предвидели долгосрочных последствий распространения и гонки ядерных вооружений, иначе они пришли бы в ужас.

Менее драматичным, но все же наглядным примером является инициатива США по развертыванию морских и наземных стратегических ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН). США начали их разработку в середине 1960-х годов с целью преодоления любой эффективной системы ПРО, которую СССР мог бы развернуть в будущем. Однако в 1969 г. начались советско-американские переговоры об ограничении стратегических вооружений, на которых наметилась перспектива установления строгих взаимных ограничений систем ПРО, воплощенная в жизнь в 1972 г. в Договоре об ограничении систем противоракетной обороны (ДПРО). Как только договор стал реальностью, острая необходимость в развертывании ракет с РГЧ ИН отпала. Однако преемники Макнамары продолжили развертывание МБР с РГЧ ИН «Минитмен-3» в 1970 г. и БРПЛ «Посейдон» в 1971 г. с целью получить превосходство над СССР по числу ядерных боезарядов после того, как Соглашение ОСВ-1 ограничило количество ракетных пусковых установок. В Советском Союзе

³⁶ Newhouse J. *War and Peace in the Nuclear Age*. New York, Alfred A. Knopf, 1989. p. 69.

этот шаг был воспринят как расширение американского списка целей и возвращение к контрсилловой стратегии (т.е. удара по стратегическим силам вероятного противника). В 1974 г. министр обороны США Джеймс Шлесинджер официально объявил о переходе к контрсилловой стратегии и к «доктрине перенацеливания»³⁷. Снова Вашингтон стал лидером в области передовых военных технологий. И в очередной раз другая сторона догнала очень быстро, развернув одну систему баллистических ракет подводных лодок и три ракетных системы наземного базирования, оснащенных РГЧ ИН. В конце 1970-х годов это спровоцировало панику в США в связи с «окном уязвимости» американских ракетных сил наземного базирования. Эта тревога поставила под серьезные сомнения Договор ОСВ-2 и продолжалась в течение 1980-х годов.

Более свежий и наглядно аналогичный пример связан с созданием неядерных высокоточных систем большой дальности. Изначально эта технология была внедрена в ракетные системы двойного назначения – крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ) и крылатые ракеты морского базирования (КРМБ) типа «Томахок», которые были разработаны и развернуты США с середины 1970-х годов. В начале 1980-х годов Советский Союз последовал примеру США, однако в связи с недостатками систем наведения эти ракетные системы можно было использовать только ядерными боезарядами. В США неядерные крылатые ракеты морского базирования производились и широко использовались в локальных конфликтах, и постепенно встраивались в стратегическую доктрину США. Они начали оказывать влияние на ядерный баланс как средство «сдерживания обычными вооружениями» в отношении ядерных держав – в основном, России и Китая³⁸. В этой области американское превосходство продлилось гораздо дольше, около тридцати лет, однако в конечном счете Россия догнала США и с 2010 г. приступила к массовому производству неядерных высокоточных крылатых ракет морского базирования («Калибр» 3М14) и крылатых ракет воздушного базирования (Х-555 и Х-101). К 2018 г. их количество увеличилось в 30 раз, а после 2015 г. их успешно применили в Сирии³⁹. Действующая Военная доктрина РФ гласит: «В рамках выполнения мероприятий стратегического сдерживания силового характера Российской Федерацией предусматривается применение высокоточного оружия»⁴⁰.

³⁷ См. Tammen Ronald L. *MIRV and the Arms Race*. New York, Praeger, 1973. p. 114; и Third Annual Report to the Congress on United States Foreign Policy. February 9, 1972, in Public Papers of the Presidents of the United States, Richard M. Nixon, 1972. Washington, D.C., U.S. Government Printing Office, 1974. p. 307.

³⁸ Einhorn R и Pifer S. *Meeting U.S. Deterrence Requirements: Toward a Sustainable National Consensus*. Washington, D.C., Brookings Institution, 2017. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/09/frp_20170920_deterrence_report.pdf.

³⁹ Послание Президента Федеральному Собранию.

⁴⁰ Военная доктрина Российской Федерации. *Президент России*. Available at: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf>

В 2015 г. на заседании
Международного
дискуссионного клуба
«Валдай», Владимир Путин
заявил: «Уже появилась
концепция так называемого
первого обезоруживающего
удара, в том числе
с использованием
высокоточных неядерных
средств большой дальности,
сопоставимых по своему
эффекту с ядерным оружием»

Между тем, поскольку старые крылатые ракеты были дозвуковыми, с длительным временем полета и ограниченной дальностью, США выдвинули концепцию «Быстрого конвенционального глобального удара», в рамках которой предполагалось создание гиперзвукового оружия, оснащенного неядерной высокоточной боеголовкой, со способностью поразить любую цель на планете в пределах 60 минут после запуска⁴¹. Предполагалось, что такое оружие будет применяться против террористов и стран-изгоев, однако Москва, принимая во внимание американскую стратегию «сдерживания обычными вооружениями», заподозрила, что эти принципиально новые вооружения станут стратегической угрозой для России. В 2015 г. на заседании

Международного дискуссионного клуба «Валдай», Владимир Путин заявил: «Уже появилась концепция так называемого первого обезоруживающего удара, в том числе с использованием высокоточных неядерных средств большой дальности, сопоставимых по своему эффекту с ядерным оружием»⁴².

В испытаниях гиперзвуковых планирующих блоков, проводившихся в 2010–2011 гг., США как будто опередили Россию. Однако к 2018 г. Россия провела серию успешных испытаний гиперзвукового ракетного комплекса «Авангард», а в 2019 г. начала развертывание двух ракетных полков. В Обзоре ядерной политики 2018 г. Пентагон, явно под впечатлением успешных российских разработок неядерных крылатых ракет и гиперзвукового оружия, впервые официально выразил озабоченность данной угрозой: «Под исключительными обстоятельствами имеются в виду масштабные неядерные атаки. Масштабные стратегические неядерные атаки представляют собой нападение на гражданское население или на инфраструктуру США, их партнеров и союзников, а также нападения на ядерные силы США или их союзников, командные пункты или системы предупреждения и оценки угроз, но не ограничиваются этим»⁴³. Неясно, ядерные или обычные боезаряды несет гиперзвуковой боевой блок «Авангард», оснащается ли он РГЧ ИН, имеет ли достаточную точность для эффективных неядерных ударов и удастся ли России сохранить преимущество в области гиперзвуковых систем в течении длительного времени. Однако растущая уязвимость США перед лицом неядерного нападения может стать причиной радикальной смены приоритетов их видения стратегических угроз.

⁴¹ См.: Acton. *Silver Bullet?*

⁴² Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». *Президент России*, 22.10.2015. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/50548>.

⁴³ Nuclear Posture Review, p. 21.

Гонка вооружений заставила и Советский Союз испытать на себе сопоставимый «эффект бумеранга». Запуск первого в мире искусственного спутника Земли в 1957 г. продемонстрировал первенство СССР в космосе и ракетных технологиях. Громкие заявления Никиты Хрущева («Мы печем ракеты как сосиски», «Мы вас закопаем») произвели впечатление на Джона Кеннеди, который сделал борьбу с отставанием от СССР в ракетных технологиях частью своей кампании (это отставание оказалось иллюзорным) и посчитал необходимым начать массовое наращивание ракетных вооружений⁴⁴. С 1961 по 1967 гг. стратегические ракетные силы США были увеличены в 40 раз и достигли четырехкратного перевеса над потенциалом СССР⁴⁵. Отчаянная попытка Хрущева в 1962 г. устранить превосходство США, разместив ракеты средней дальности на Кубе, вызвала кризис, которому только вовремя проявленная политическая мудрость и большое везение помешали перерасти в мировую катастрофу. Кризис завершился выводом советских ракет и, хотя американские деятели неофициально обещали советской стороне позднее вывести свои ракеты средней дальности из Турции, это сбыло воспринято как международное унижение Москвы. Преемники Хрущева потратили огромные средства для того, чтобы сократить очевидное для них существенное отставание от США по ракетам и достичь стратегического паритета в 1970-е годы.

Еще один пример – разработка систем противоракетной обороны. В 1953 г. СССР осуществил ранний старт и первоначально обогнал США, осуществив в 1961 г. первый успешный перехват ракеты средней дальности⁴⁶. В очередной раз Хрущев не смог удержаться от безответственного хвастовства, заявив: «Наша ракета, можно сказать, может попасть в муху в космосе»⁴⁷. Однако американская программа ПРО, начатая в 1958 г., обогнала советскую к 1964 г. С конца 1960-х годов программы противоракетной обороны США – система «Сейфгард» (1969–1972), Стратегическая оборонная инициатива Р. Рейгана (СОИ) 1983 г. (она же «Звездные войны») и ЕвроПРО с 2007 г. вызывают озабоченность Москвы. Как было отмечено, советская программа ПРО середины 1960-х годов стимулировала разработку американских вооружений с РГЧ ИН, вызвав два масштабных и дорогостоящих витка гонки вооружений в 1970-е и 1980-е годы. За эти годы число стратегических

Советская программа ПРО середины 1960-х годов стимулировала разработку американских вооружений с РГЧ ИН, вызвав два масштабных и дорогостоящих витка гонки вооружений в 1970-е и 1980-е годы

⁴⁴ Глазкова Л. Может ли повториться новый Карибский кризис? Available at: <https://www.pnp.ru/politics/mozhet-li-povtoritsya-novyy-karibskiy-krizis.html>.

⁴⁵ McNamara. *The Essence of Security*. p. 57.

⁴⁶ Подвиг П. Развитие противоракетной обороны СССР и России в XX в., см. в: Арбатов А.А., Дворкин В.З., Бубнова Н.И. отв. ред. Противоракетная оборона. сс. 33–51.

⁴⁷ Цит. по: Кисляков А. Про «Вербу», Муху, «Кактус» и «Крота». *РИА Новости*, 17.12.2007. Available at: <https://ria.ru/20071217/92808803.html>.

боезарядов выросло в пять раз, что привело к дестабилизации ядерного баланса.

Вероятно, наиболее ярким примером является развертывание советского подвижного грунтового ракетного комплекса РСД-10 «Пионер» с баллистическими ракетами средней дальности (БРСД), которое началось в 1976 г. Предполагалось, что «Пионер» придет на смену устаревшим ракетам Р-12 и Р-14 и создаст противовес американской авиации передового базирования с ядерным оружием и ядерным силам Франции и Великобритании, чтобы тем самым поддержать баланс в регионе. В реальности советская программа развертывания оказалась избыточной, в том числе из-за отсутствия какого-либо общественного контроля над военно-промышленным комплексом. Общее число ракет Р-12 и Р-14 составляло около 700 единиц, но новые грунтово-мобильные комплексы РСД-10 были оснащены ракетами с РГЧ ИН, что было серьезным качественным улучшением и в разы повышало суммарную численность ядерных боеголовок⁴⁸. Как выяснилось позднее, всего было запланировано развертывание 650 ракет данного типа, из которых 2/3 должны были размещаться в Европе и 1/3 в Азии. К 1987 г. было уже развернуто 405 ракет данного типа, суммарно оснащенные 1215 боеголовками.

В ответ на это в 1979 г. США и НАТО приняли решение разместить в Европе 108 БРСД «Першинг-2» и 464 КРНБ «Томахок» BGM-109G. По словам известного советского дипломата Олега Гриневского, Министерство иностранных дел СССР (в частности, заместитель министра Георгий Корниенко) осторожно выдвинуло предложение остановить или ограничить наращивание численности РСД-10 для того, чтобы воспрепятствовать размещению ракет США. Однако министр обороны маршал Дмитрий Устинов и начальник Генштаба маршал Николай Огарков, выражая общую бескомпромиссную позицию Политбюро под руководством Юрия Андропова, наотрез отказались это сделать⁴⁹. Развертывание американских ракет началось в 1983 г. и привело ко второму опасному кризису в отношениях двух супердержав, а также к краху женевских переговоров по контролю над вооружениями. Однако вскоре позиция Москвы радикально изменилась: в то время как советские ракеты не могли достать до территории США, американские покрывали всю европейскую территорию СССР. Более того, ракеты «Першинг-2» были оснащены высокоточными боеголовками, способными пробивать землю на большую глубину, а время их подлета до советских защищенных подземных командных пунктов составляло всего семь минут. Кроме того, радары не могли засечь крылатые ракеты наземного базирования, которые имели низкую траекторию полета, а, следовательно, время предупреждения об их подлете было практически нулевым. По оценкам советских военных, крылатые ракеты могли

⁴⁸ Гриневский О. Перелом. От Брежнева к Горбачеву. Москва, Олимпия, 2004. с. 13.

⁴⁹ Ibid. сс. 18–23.

разрушить до 65 % других военных и гражданских целей на европейской территории СССР⁵⁰.

В итоге попытка Москвы переиграть ядерный баланс с НАТО на региональном театре оказалась крупным просчетом, который существенно подорвал безопасность Советского Союза. Для того, чтобы как-то исправить положение, в 1987 г. новый советский лидер Михаил Горбачев был вынужден пойти на заключение Договора РСМД на основе принципа «двойного глобального нуля». Договор предусматривал ликвидацию 1846 советских развернутых и неразвернутых ракет средней и меньшей дальности – на 1000 ракет больше, чем ликвидировали США, и в три раза больше ядерных боезарядов. История ракет средней дальности 1980-х годов имеет особое значение для нынешней ситуации с крахом Договора РСМД.

Невыученные уроки

Российскому историку XIX в. Василию Ключевскому приписывают афоризм: «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». Похоже, что ядерные державы снова находятся в шаге от того, чтобы подтвердить его правоту.

Главное новшество текущей стратегии и программ ядерных вооружений США состоит в возрождении концепции ограниченной или избирательной ядерной войны, которая появилась в 1960-е годы одновременно с массированным развертыванием тактических ядерных вооружений США в Европе и Азии. С начала 1970-х годов США рассматривали возможность различных вариантов избирательных и ограниченных стратегических ударов по советским военным целям⁵¹. В Обзоре ядерной политики 2018 г. эта концепция в очередной раз заняла центральное место и была адресована России:

Недавние российские заявления в плане развития ядерной доктрины создают впечатление о снижении порога первого применения ядерного оружия со стороны Москвы. Россия демонстрирует свое представление о преимуществах систем такого оружия путем многочисленных (военных) учений и заявлений. Исправление подобного ошибочного российского взгляда стало стратегическим императивом. В качестве реакции на такого рода вызовы и в целях сохранения стабильности сдерживания Соединенные Штаты будут расширять гибкость и диапазон своих гибких опций сдерживания⁵².

⁵⁰ Ibid. с. 23.

⁵¹ Annual Defense Department Report, FY 1975. *Secretary of Defense James R. Schlesinger*. Washington, D.C., U.S. Government Printing Office, March 4, 1974. Available at: http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/annual_reports/1975_DoD_AR.pdf?ver=2014-06-24-150705-323.

⁵² Nuclear Posture Review. p. 21.

Как уже отмечалось, данная концепция будет опираться на весь спектр наземных и морских систем, как ядерных, так и двойного назначения, а также вероятно на наземные ракеты средней дальности, несмотря на то, что США пока не объявляли о развертывании в Европе наземных систем, охваченных Договором РСМД⁵³.

В случае с Россией, эта идея рассматривалась в 2003 г., когда в официальном документе Министерства обороны было объявлено о планах «деэскалации агрессии... угрозой нанесения или непосредственно осуществлением ударов различного масштаба с использованием обычных и (или) ядерных средств поражения». Причем предполагалась возможность «дозированного боевого применения отдельных компонентов Стратегических сил сдерживания»⁵⁴. Действующая Военная доктрина РФ и другие официальные стратегические документы не упоминают подобных концепций. Тем не менее они обсуждаются в кругу профессиональных военных, в том числе связанных с государственными ведомствами, с акцентом на «ограниченный характер первого ядерного воздействия, которое призвано не ожесточить, а отрезвить агрессора, заставить его прекратить нападение и перейти к переговорам»⁵⁵.

В Послании Федеральному собранию 1 марта 2018 г. Владимир Путин заявил: «Любое применение ядерного оружия против России или её союзников малой, средней, какой угодно мощности мы будем рассматривать как ядерное нападение на нашу страну. Ответ будет мгновенным и со всеми вытекающими последствиями»⁵⁶. В этом заявлении концепция ограниченного ядерного ответа явно не поддерживается, однако и не отрицается. Российская военная доктрина гласит: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства». Цель ядерного удара определяется как «нанесение заданного уровня ущерба агрессору в любых условиях обстановки»⁵⁷. Эти формулировки также не используют понятие ограниченной ядерной войны, но и не исключают ее. Также не вполне ясно, когда и как именно «существование государства» может оказаться под угрозой и какой «заданный уровень ущерба» считается достаточным.

Москва часто, как и Вашингтон, приспособливает свою стратегию и военную доктрину к имеющимся у нее технологиям. Даже если для

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Актуальные задачи развития вооруженных сил Российской Федерации. *Красная Звезда*, 11.10. 2003. Available at: http://old.redstar.ru/2003/10/11_10/3_01.html.

⁵⁵ Ахмеров Е., Валеев М., Ахмеров Д. Аэростат – друг “Сармата”. *Военно-промышленный курьер*, 12.10. 2016. Available at: https://vpk.name/news/165525_aerostat_drug_sarmata.html.

⁵⁶ Послание Президента Федеральному Собранию.

⁵⁷ Военная доктрина Российской Федерации.

оправдания ограниченного ядерного применения используется доктрина ядерного сдерживания, эти средства и планы снижают порог ядерной войны и повышают вероятность перерастания любого вооруженного столкновения между супердержавами в обмен массированными ядерными ударами.

Москва часто, как и Вашингтон, приспособливает свою стратегию и военную доктрину к имеющимся у нее технологиям

У России, по независимым экспертным оценкам, тактических ядерных вооружений больше, чем у всех остальных стран мира вместе взятых. Однако, как можно судить, она стремится перенести акцент на системы в обычном оснащении и двойного назначения⁵⁸. Впрочем, если США действительно обеспокоены тем, что Россия может принять концепции ограниченного использования ядерного оружия, наилучшим способом был бы не симметричный ответ, а категорический отказ от подобного сценария. Еще лучше было бы принять совместную российско-американскую декларацию, которая исключала бы любую возможность нанесения ядерного удара или же его первого применения, как это было сделано в 1970–1980-е годы в отношении «ведения ядерной войны и победы с ней». Декларацию было бы уместно подкрепить следующим Договором СНВ, а также значительным сокращением нестратегических ядерных вооружений.

Такая же «логика бумеранга» может возникнуть и с современными системами гиперзвукового оружия. Российская программа обосновывается необходимостью преодолеть глобальную и региональные (Европа, Азия) системы противоракетной обороны США, а также компоненты ПРО морского базирования. В декабре 2018 г. Путин представил успешное испытание гиперзвуковой ракетной системы «Авангард» как «новогодний подарок стране» и даже сравнил его с запуском спутника в 1957 г.⁵⁹ Описывая уникальные свойства «Авангарда», он сказал: «Он идёт к цели, как метеорит, как горящий шар, как огненный шар... Как вы понимаете, ничего подобного ни у кого в мире пока нет. Когда-нибудь, наверное, появится, но за это время наши ребята ещё что-нибудь придумают»⁶⁰. США приняли эстафету и ускорили работу над собственной программой гиперзвукового оружия⁶¹. Насколько велика будет стратегическая роль подобных систем вооружений в будущем пока неясно. Это будет определяться их стоимостью и масштабом развертывания, точностью и типом боезарядов (ядерных или неядерных), защищенностью командных пунктов и систем наведения от средств противо-

⁵⁸ По независимым оценкам, у России примерно 1850 ед. ядерных вооружений такого типа. См. в: Ежегодник СИПРИ 2017. Вооружения, разоружение и международная безопасность. 2018, с. 338.

⁵⁹ Путин предостерег США от нового Карибского кризиса.

⁶⁰ Послание Президента Федеральному Собранию.

⁶¹ Tucker P. The US Is Accelerating Development of Its Own 'Invincible' Hypersonic Weapons. *Defense One*, 02.03. 2018. Available at: <https://www.defenseone.com/technology/2018/03/united-states-accelerating-development-its-own-invincible-hypersonic-weapons/146355/>.

действия, а также наличием у противника систем сопровождения и перехвата целей. Со стратегической точки зрения, такая система может понадобиться России, если США смогут создать систему ПРО, способную перехватить 1500 российских ядерных боезарядов или, по меньшей мере, нескольких сотен, которые уцелеют после контросилового удара. Однако, в обозримом будущем это невозможно, поскольку в Докладе по ПРО 2019 г. не предусматривается расширение возможностей системы ПРО США, сопоставимое с масштабами СОИ⁶² (В самом деле, в середине 1980-х годов СССР начал разработку гиперзвукового оружия под названием «Альбатрос», именно в качестве меры противодействия СОИ). Таким образом, «Авангард», как и ряд других новейших военных программ, представленных Путиным в 2018 г., могут казаться впечатляющими технологическими достижениями, однако в качестве ответа на системы ПРО США они явно чрезмерны. Ограниченное развертывание гиперзвукового оружия не окажет большого воздействия на стратегический баланс. Но если обе стороны прибегнут к его массированному развертыванию, оснастив их ядерными или обычными высокоточными боезарядами, это может подорвать российскую стратегию ядерного сдерживания и ее национальную безопасность.

В октябре 2018 г. на заседании дискуссионного клуба «Валдай» в Сочи Путин сформулировал основную идею российской ядерной доктрины:

Наша концепция – это ответно-встречный удар... Это значит, что мы готовы и будем применять ядерное оружие только тогда, когда удостоверимся в том, что кто-то, потенциальный агрессор, наносит удар по России, по нашей территории... Система раннего предупреждения о ракетном нападении... фиксирует в глобальном масштабе, какие старты стратегических ракет из Мирового океана, с какой-то территории произведены. Это первое. И второе – она определяет траекторию полёта... И когда мы убеждаемся (а это всё происходит в течение нескольких секунд), что атака идёт на территорию России, только после этого мы наносим ответный удар⁶³.

Концепция ответно-встречного удара представляется весьма спорной: она отводит верховному национальному командованию всего несколько минут для принятия решения, которое может быть спровоцировано технической ошибкой, стратегическим просчетом или психологическим стрессом. Примерно пятьдесят лет назад Герберт Йорк (известный американский физик) предупреждал, что однажды может сложиться «положение дел, при котором решение о том, наступил ли

⁶² Missile Defense Review. Office of the Secretary of Defense, January 2019. Available at: <https://media.defense.gov/2019/Jan/17/2002080666/-1/-1/1/2019-MISSILE-DEFENSE-REVIEW.PDF>.

⁶³ Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Президент России, 18.10.2018. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/58848>.

конец света, будет приниматься либо автоматическим устройством...либо запрограммированным Президентом, который, сам того не ведая, будет выполнять приказы, написанные годами ранее каким-нибудь оперативным аналитиком»⁶⁴.

Гиперзвуковые системы могут привести к еще более опасной ситуации. Траектория их полета проходит на высоте 50–60 км – в основном вне видимости радиолокаторов ПРО и имеет постоянно меняющийся азимут, что делает их полет непредсказуемым и не дает осуществить перехват в заданной точке. В своей стратегии преодоления противоракетной обороны Москва рассчитывает именно на эту особенность гиперзвукового оружия. В то же время данная особенность исключает подтверждение ракетного удара со стороны РЛС после того, как запуск ускорителей гиперзвуковых планирующих ракет будет обнаружен спутниками раннего предупреждения (по крайней мере, до тех пор, пока нет космических инфракрасных систем слежения за гиперзвуковыми ракетами). Спутники засекают запуск ускорителя через 60–90 секунд после старта, но затем гиперзвуковой аппарат удастся обнаружить только за 3–4 минуты до поражения цели, что не оставляет достаточного времени, чтобы отдать приказ о запуске по данным системы предупреждения⁶⁵. Возможно, за счет развития различных сенсоров и других технических средств можно решить проблемы противовоздушной обороной от гиперзвуковых систем, однако на их разработку потребуется время, а их эффективность неопределенна.

Если США и Россия начнут масштабное внедрение гиперзвукового оружия, с данной проблемой столкнутся обе стороны. Однако, в своей концепции Путин считает ответно-встречный удар основным средством сдерживания. Примерно половина российских стратегических боезарядов развернута на наземных МБР (это касается и будущих тяжелых ракет «Сармат», и гиперзвуковой системы «Авангард»). Эти системы, из-за уязвимости их шахтных пусковых установок для контрсилловых ударов и высокой готовности к старту, рассчитаны, главным образом, на ответно-встречный удар. США рассматривают эту концепцию как вторичную, поскольку всего четверть их ядерного потенциала (по фактической загрузке носителей боезарядами) развернута в шахтных пусковых установках. Таким образом, Москва, инициировав соревнование по гиперзвуковым планирующим системам, может в будущем столкнуться с угрозой обезоруживающего стратегического удара другой стороны, и тогда ей придется выбирать из нескольких непростых вариантов.

Концепция ответно-встречного удара представляется весьма спорной: она отводит верховному национальному командованию всего несколько минут для принятия решения, которое может быть спровоцировано технической ошибкой, стратегическим просчетом или психологическим стрессом

⁶⁴ York H. *Race to Oblivion*. New York, Simon & Schuster, 1970. p. 232.

⁶⁵ Acton James M.. *Silver Bullet?*

Один – обеспечить «нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях обстановки», которое предусматривается текущей военной доктриной, не прибегая к пуску по сигналу предупреждения⁶⁶. Для этого потребуются большие расходы для того, чтобы разместить достаточное количество стратегических сил на мобильных наземных установках, средствах морского и воздушного базирования повышенной выживаемости, как и их командные пункты.

Еще один вариант – сохранение концепции ответно-встречного удара, в рамках которой удар возмездия должен быть санкционирован сразу после получения информации от спутников раннего обнаружения. Это означает, что придется сбросить со счета все случаи ложной тревоги за время работы этих спутников. Кроме того, надежность кос-

Надежность космических систем может оказаться под угрозой из-за развития противоспутниковых систем и средств кибервойны

мических систем может оказаться под угрозой из-за развития противоспутниковых систем и средств кибервойны.

Третий вариант заключается в том, чтобы снизить уровень «заданного ущерба агрессору» и полагаться, главным образом, на существующие программы мобильных наземных и морских систем, отказавшись от МБР стационарного шахтного бази-

рования. Этот выбор сэкономил бы значительные средства и укладывался бы в снижение общей численности стратегических сил в рамках следующего договора СНВ. Подобный путь соответствовал бы рациональной стратегической программе, разработанной в 1998 г. группой военных и гражданских экспертов под руководством вице-президента РАН Николая Лаверова, которая была создана по инициативе министра обороны маршала Игоря Сергеева⁶⁷. Этот вариант представляется наиболее рациональным, однако с 1998 г. обстановка коренным образом изменилась.

С учетом обострения российско-американских отношений, кризиса контроля над вооружениями, а также идеологических особенностей принимаемых Москвой решений, первый или второй варианты, или же их сочетание в обозримом будущем представляются более вероятными, в случае если гиперзвуковое оружие станет ключевым направлением гонки вооружений.

Размышления о разоружении

Один из уроков контроля над вооружениями последних пятидесяти лет состоит в том, что нарушение военного баланса заставляет стороны периодически менять свою позицию по вопросам ограничения или запрещения определенных систем вооружений. Участники переговоров

⁶⁶ Военная доктрина Российской Федерации.

⁶⁷ Arbatov A. Understanding the US–Russia Nuclear Schism. *Survival* 59 (2) (April–May 2017). pp. 33–66.

по контролю над вооружениями часто шутят, что Москва и Вашингтон занимают одну и ту же позицию по всем вопросам, просто в разное время. Важный момент в контроле над стратегическими вооружениями наступил в июне 1967 г. на встрече в г. Глассборо (штат Нью-Джерси), когда президент США Линдон Джонсон встретился с премьер-министром СССР Алексеем Косыгиным. Приглашенный на беседу Макнамара доказывал Косыгину, что системы ПРО будут иметь дестабилизирующий эффект, однако Косыгин категорически отверг эту точку зрения, возмущенно заявив: «Оборона моральна, нападение безнравственно»⁶⁸. К тому времени СССР уже принял решение разместить в Московской области систему ПРО А-35М, пока Макнамара затягивал развёртывание американской противоракетной системы «Найк-Икс». Всего два года спустя Москва приняла философию Макнамары и с тех пор считает ПРО дестабилизирующим фактором, в то время как Пентагон с 1980-х годов и по настоящее время придерживается позиции Косыгина.

Участники переговоров по контролю над вооружениями часто шутят, что Москва и Вашингтон занимают одну и ту же позицию по всем вопросам, просто в разное время

Причина таких изменений очевидна: каждая сторона пытается ограничить вооружения, в которых превосходит противник, и максимально укрепить собственное военные преимущества. Но в гонке вооружений стороны регулярно догоняют и опережают друг друга, и в такие моменты их приоритеты меняются. К примеру, Россия много лет подряд подчеркивала угрозу, исходящую от американских высокоточных обычных вооружений большой дальности, которые Путин назвал оружием «первого глобального обезоруживающего удара»⁶⁹. В последнее время Россия увеличила численность неядерных крылатых ракет и осуществила прорыв в гиперзвуковых системах, поэтому эта угроза практически исчезла из российского списка стратегических задач. Точно так же развёртывание Россией наземной системы противоракетной обороны нового поколения А-235 «Нудоль» и зенитного ракетного комплекса С-500 может изменить ее отношение к противоракетной обороне. Напрашивается вывод, что не стоит идеологически демонизировать преимущество другой стороны в области вооружений или различия в переговорных позициях. Эти асимметрии регулярно чередуются и требуют четких профессиональных оценок, а не резких политизированных заявлений о различных «отставаниях».

Еще один важный урок состоит в том, что соглашения по контролю над вооружениями, даже если они заключены в напряженной международной обстановке, обычно укрепляют взаимную безопасность и способствуют разрядке напряженности. Договор по ПРО и Договор

⁶⁸ *War and Peace in the Nuclear Age*. Newhouse. p. 205.

⁶⁹ Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». *Президент России*, 24.10. 2014. Available at: <http://news.kremlin.ru/transcripts/46860>.

ОСВ-I 1972 г. были заключены, несмотря на сопротивление сторонников «жесткой линии» в Политбюро, вскоре после усиления американских бомбардировок Вьетнама и минирования с воздуха гавани Хайфон, в результате чего были повреждены советские корабли. Эти соглашения способствовали прогрессу в области ограничения и сокращения ядерных вооружений, укрепляли международную безопасность, улучшали советско-американские отношения и помогли покончить с войной во Вьетнаме.

И наоборот, срыв переговоров по контролю над вооружениями или отказ от ратификации соглашений всегда подрывали безопасность и никогда не способствовали разрешению международных конфликтов. Из-за ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. Вашингтон отка-

Отказ Москвы после 2012 г. проводить переговоры по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений стал одной из причин кризиса системы контроля над вооружениями и вызвал новую стратегическую напряженность в отношениях между Россией и Западом

зался ратифицировать Договор ОСВ-II, что стало препятствием на пути формирования контроля над вооружениями и никоим образом не способствовало ни установлению мира в Афганистане, ни укреплению сотрудничества великих держав в области международной безопасности. Схожим образом, возмущение российской политической элиты по поводу расширения НАТО и применения силы в Югославии не позволило вовремя ратифицировать Договор СНВ-II, а также заключить договор на основе рамочного соглашения СНВ-III 1997 г. Для контроля над вооружениями это было контрпродуктивно и вовсе не устранило взаимные претензии и недоверие во взаимоотношениях между Россией

и НАТО. Наконец, отказ Москвы после 2012 г. проводить переговоры по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений стал одной из причин кризиса системы контроля над вооружениями и вызвал новую стратегическую напряженность в отношениях между Россией и Западом.

Вероятно, самый важный урок, который можно вынести из истории контроля над вооружениями, состоит в том, что разрушить соглашения по разоружению гораздо легче, чем их заключить. Разрыв соглашений никогда не способствовал укреплению национальной или международной безопасности и неизменно ее подрывал. К примеру, США в 2002 г. вышли из Договора по ПРО, сославшись на ракетно-ядерную угрозу со стороны стран-изгоев. Спустя 18 лет США обладают 44 стратегическими антиракетами наземного базирования на Аляске и в Калифорнии, а к 2023 г. их количество возрастет до 64 ед.⁷⁰ В то же время, по Протоколу 1974 г. к Договору по ПРО 1972 г. каждой из сторон разрешалось иметь не более 100 ракет-перехватчиков, и США могли размещать их в Северной Дакоте. Договор не предусматривал никаких ограниче-

⁷⁰ Missile Defense Review.

ний по техническим характеристикам перехватчиков (например, по дальности, системам наведения или типам боезарядов), в то время как их расположение, в случае необходимости, можно было бы изменить путем внесения поправок. Американские антиракеты семейства «Стандарт-3» типа Иджис в Европе, Азии или на морских кораблях, предназначенные для перехвата баллистических ракет средней дальности, могли подпадать под некоторые части соглашения 1997 г. по разграничению стратегической и тактической ПРО⁷¹. Таким образом, с небольшими поправками Договор по ПРО можно было бы легко сохранить, что дало бы США возможность делать все, что они и так сделали с 2002 г. или планируют осуществить в ближайшем будущем.

На деле выход США из Договора по ПРО не снизил общего стратегического напряжения, а, наоборот, усилил его. Распространялись ракеты и ракетные технологии. Северная Корея вышла из ДНЯО в 2003 г., в 2006 г. начала проводить ядерные испытания, а затем до 2018 г. испытывала ракеты со все большей дальностью поражения. В 2015 г. Иран согласился свернуть свою ядерную программу не потому, что США разрабатывают систему ПРО, а по другим причинам, однако в настоящее время Иран продолжает создавать и испытывать ракеты. После заключения Пражского договора СНВ в 2010 г. российско-американские переговоры были приостановлены, причиной тому стала ключевая претензия Москвы – отсутствие Договора по ПРО и сотрудничества по совместной разработке оборонительных систем. В 2018 г. Россия обнародовала пакет новых бессрочных программ развития наступательных сил, направленных против ПРО США. В этом отношении Китай подражает России.

Еще одним примером является «приостановление» Россией своего участия в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) в 2007 г. и «окончательная приостановка» в 2015 г. Первоначально Москва обосновывала подобные шаги тем, что с их помощью можно оказать давление на НАТО для того, чтобы она ратифицировала Соглашение об адаптации ДОВСЕ 1999 г. Однако в 2011 г. страны НАТО ответили тем, что со своей стороны перестали соблюдать условия договора. В настоящее время не существует действующего механизма ограничения обычных вооружений в Европе. Россия наращивает свои вооруженные силы в западном и южном военных округах – например, в Крыму, Южной Осетии и Абхазии. По ту сторону границ НАТО осуществляет развертывание оборонительных сил в странах Прибалтики, Польше и Румынии,

Вероятно, самый важный урок, который можно вынести из истории контроля над вооружениями, состоит в том, что разрушить соглашения по разоружению гораздо легче, чем их заключить

⁷¹ Данное соглашение разрешало проводить испытания ракет-перехватчиков со скоростью не более 5 км/сек и дальностью 3500 км. В будущем разрешалась разработка наземных и авиационных ракет-перехватчиков со скоростью не более 5.5 км/сек и ракет-перехватчиков морского базирования со скоростью до 4.5 км/сек. Такие подсистемы ПРО не вошли в Договор по ПРО.

а воинские подразделения, тяжелые вооружения и техника США возвращаются на континент. Значительное превосходство НАТО над Россией в военном и экономическом измерениях, наряду с широкими логистическими возможностями США по переброске войск, ставит под угрозу безопасность российских границ. Как представляется, Москва чувствовала бы себя более спокойно, если бы силы НАТО в Восточной Европе были существенно ограничены национальными и территориальными квотами в рамках ДОВСЕ, а также открыты для укрепления режима доверия и транспарентности.

Еще более серьезные угрозы в ближайшей перспективе могут возникнуть как следствие краха ДРСМД, а также окончательного истечения срока действия ДСНВ без заключения последующего договора. Стабилизирующий эффект этих договоров не может быть восполнен никакими программами сокращения стратегического оружия или оружия средней дальности с обеих сторон. Возможное в результате краха ДРСМД развертывание новых американских ракет средней дальности в Европе и Азии с малым подлетным временем и низкой траекторией сделает российские средства сдерживания, срабатывающие по данным дальнего обнаружения, неэффективными, поскольку у них не будет времени для ответного удара. Согласно заявлению одного уважаемого российского военачальника, это может заставить Россию перейти к очень рискованной концепции упреждающего ядерного удара⁷². Если США последуют этому примеру, взяв на вооружение такую же концепцию, сохранить стабильность в кризисной ситуации будет практически невозможно.

Революционная роль военных технологий это не новый, а вполне логичный и регулярно повторяющийся в истории феномен. Тем не менее, прогресс советско-американских, а затем российско-американских переговоров за последние пятьдесят лет, несмотря на все неудачи и оговорки, действительно способствовал масштабному и стабилизирующему сокращению их вооружений средней и большей дальности.

Касательно новых угроз стратегической стабильности в перспективном ДСНВ требуется, чтобы в общий зачет по боезарядам были включены гиперзвуковые и крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ) большей дальности (т. е. более 600 км⁷³) в ядерном и обычном оснащении и ядерные бомбы свободного падения, а также чтобы они шли в зачет в соответствии с фактической загрузкой тяжелых бомбардировщиков.

⁷² В своем интервью генерал-полковник Виктор Есин, бывший глава Главного штаба Ракетных войск стратегического назначения, сказал: «Если американцы все-таки начнут разворачивать свои ракеты в Европе, нам ничего не останется, как отказаться от доктрины ответно-встречного удара и перейти к доктрине упреждающего удара». См. Интервью с генералом-полковником В. Есиным. *Звезда*, 8.11.2018. Available at: <https://zvezdawekly.ru/news/t/2018117102-0iaAI.html>.

⁷³ Дальность в 600 км была установлена для определения стратегических КРВБ и тяжелых бомбардировщиков, оснащенных таким оружием, в договорах ОСВ-II 1979 г. и СНВ-I.

В прошлом, в ДСНВ 1991 г. и ДСНВ 1993 г., ракеты воздушного базирования шли в зачет по боезарядам⁷⁴. Ограничения на стратегические средства доставки и боезаряды следует также распространить на новые системы вооружений: межконтинентальные крылатые ракеты наземного базирования и безэкипажные подводные аппараты большой дальности, а также гиперзвуковые планирующие системы наземного и морского базирования с дальностью, схожей с дальностью ракет, которые были учтены в договорах ОСВ и СНВ (ракеты наземного базирования с дальностью более 5500 км и ракеты морского базирования с дальностью более 600 км)⁷⁵. Такие вооружения следует ограничить вне зависимости от того, несут ли они ядерные или обычные боезаряды. Учет большинства новых систем можно проводить методами и средствами, предусмотренными Договорами СНВ и РСМД.

Таким образом, наиболее дестабилизирующие стратегические системы дальнего радиуса действия, которые размывают грань между обычной традиционной и ядерной войной, можно было бы включить в режим контроля над вооружениями с надежным режимом верификации (в том числе обычные вооружения и ядерные бомбы пониженной мощности). Косвенно их количество было бы ограничено, поскольку в общем зачете они «конкурировали» бы со стандартными стратегическими баллистическими ракетами в ядерном оснащении. Стратегические ядерные баллистические ракеты также пришлось бы сократить для того, чтобы учесть в общих ограничениях крылатые ракеты наземного и воздушного базирования, гиперзвуковые планирующие и аэробаллистические реактивные ракеты, а также подводные ядерные аппараты. Фактически, даже в рамках Договора СНВ-3 вышеупомянутые изменения в системе учета потребовали бы сокращения, по меньшей мере, 30 % боезарядов баллистических ракет наземного и морского базирования – не меньше, чем в 2016 г. предлагал сократить президент Обама.

Предлагаемая модель договора, который должен прийти на смену ДСНВ, не охватит ряд потенциально дестабилизирующих систем оружия и технологий: в области противоракетной обороны, космического оружия, кибернетического оружия и оружия направленной энергии, тактического ядерного оружия и широкого разнообразия беспилотников с искусственным интеллектом. С технической и дипломатической точек зрения эти системы и технологии не могут быть незамедлительно учтены. Впрочем, это не значит, что нет смысла учитывать другие вооружения и технологии, которые в ближайшем будущем могут стать предметом контроля над вооружениями в соответствии со следующим ДСНВ в целях поддержания стратегической стабильности. Эти новейшие вооружения могут быть включены в повестку будущих переговоров

⁷⁴ Только в ДСНВ 2010 г. были установлены «либеральные» правила зачета: одним средством в этом Договоре считается одна боеголовка, хотя в действительности средства доставки могут нести до 20 ракет.

⁷⁵ Такие критерии были установлены в договорах ОСВ-II 1979 г. и СНВ-I 1991 г.

Нынешний кризис контроля над вооружениями возник не из-за технической сложности стратегических отношений, какими бы противоречивыми они ни становились, и не из-за мирового беспорядка, каким бы хаотичным он ни выглядел.

Главная причина проблем – очевидная неспособность части политических элит нового поколения с обеих сторон осознать огромную стратегическую важность и приоритетность контроля над вооружениями

при условии, что в срочном порядке будут приняты вышеупомянутые шаги для предотвращения окончательного краха режимов контроля над вооружениями.

Нынешний кризис контроля над вооружениями возник не из-за технической сложности стратегических отношений, какими бы противоречивыми они ни становились, и не из-за мирового беспорядка, каким бы хаотичным он ни выглядел. Главная причина проблем – очевидная неспособность части политических элит нового поколения с обеих сторон осознать огромную стратегическую важность и приоритетность контроля над вооружениями. Современные лидеры государств, военачальники и дипломаты, занявшие высокие посты в начале века или даже позже, получили в наследство выстроенную до них систему контроля над вооружениями буквально «задаром». Они ее не ценят и используют

как пешку в своих внешне- и внутривнутриполитических играх. Эти политики имеют очень смутные представления о мире без подобной системы контроля и не помнят (или имеют искаженные представления) об опасных кризисах и разорительных витках гонки вооружений времен холодной войны.

Нет никакой уверенности в том, что они согласятся с описанными выше решениями или любыми другими разумными предложениями по выходу из глубокого тупика, в котором мы оказались. Тем не менее, абсолютно ясно, что, если ведущие страны мира продолжат двигаться нынешним курсом, они втянутся в бесконтрольную, многостороннюю и всеобъемлющую гонку вооружений и, в конце концов, окажутся на краю катастрофы. За последние несколько лет было опубликовано несколько исследований, авторы которых из самых лучших побуждений в отсутствие Договоров РСМД или СНВ предложили несколько вариантов замены привычной системы контроля над вооружениями⁷⁶. Если рассматривать их с точки зрения сохранения стратегической стабильности, предсказуемости и сдерживания гонки вооружений, все предложенные варианты менее эффективны, чем существующие соглашения по контролю над вооружениями. Более того, если в настоящее время у политических элит ведущих стран мира отсутствуют воля

⁷⁶ Караганов С. О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир. *Россия в глобальной политике*, № 15 (2), март-апрель 2017 г.; Кортунов А. Конец двусторонней эпохи. Как выход США из договора о РСМД меняет мировой порядок. *Московский центр Карнеги*, 23.10. 2018. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/77551>; и Manzo V. Nuclear Arms Control Without a Treaty? Risks and Options After the New START: CNA's Strategy, Policy, Plans, and Programs Division (SP3). *Deterrence and Arms Control Paper* no. 1, April 2019.

или знания для выполнения формальных договоренностей по контролю над вооружениями, они еще хуже справятся с поддержанием стратегической стабильности, имея сомнительные суррогаты вместо официальных документов. Размышления о мрачных перспективах гонки вооружений и изобретение новых приемлемых вариантов договоренностей может быть увлекательным интеллектуальным упражнением, однако это занятие может оказаться контрпродуктивным. С политической точки зрения оно поддерживает иллюзию, что жизнь без формальных договоренностей может быть не так плоха, а ущерб от их отмены можно нивелировать. Вместо этого следовало бы предоставить политикам реалистичную картину мира, лишенную контроля над вооружениями и наполненную огромным количеством опасностей.

Проблему сохранения действия ДРСМД можно было бы быстро решить, в короткие сроки договорившись о моратории на размещение ракет средней дальности в Европе с выездными инспекциями на российских базах, где развернуты ракеты «Искандер/Новатор» 9М729, и на американских пусковых установках «Иджис Ашор» в Румынии и Польше для снятия взаимных подозрений. Однако разработка договора, который придет ему на смену является более сложной задачей, но вполне осуществимой в течение следующих пяти лет при наличии четких политических директив из Кремля и Белого Дома. В конце концов, Договор СНВ-3 был согласован всего за один год.

Роберт Макнамара закончил свою блестящую речь в Сан-Франциско следующими словами: «В конце концов, безопасность человечества обеспечивает не оружие, а его разум. В третьем десятилетии атомного века мир должен соревноваться не в гонке вооружений, а в разумности. Нам всем лучше было бы участвовать в этой гонке»⁷⁷. Сегодня на восьмом десятилетии атомного века его слова как никогда актуальны.

Абсолютно ясно, что, если ведущие страны мира продолжат двигаться нынешним курсом, они втянутся в бесконтрольную, многостороннюю и всеобъемлющую гонку вооружений и, в конце концов, окажутся на краю катастрофы

⁷⁷ McNamara Robert S. *The Essence of Security*. p. 67.

Взлет и падение глобального ядерного порядка?

Стивен Миллер

В течение первых пятидесяти лет ядерной эры происходило формирование глобального ядерного порядка, призванного уменьшить ядерные риски, сдерживать гонку вооружений и не допустить распространения ядерного оружия на другие государства. Характерные для начала холодной войны обстоятельства, кризисы, риски и пугающие угрозы побудили международное сообщество принять последовательные меры для того, чтобы, по меткому выражению Макджорджа Банди, «закупорить вулкан»¹. «Пришло время», – писал Банди в 1969 г. для двух ядерных супердержав «ограничить безумное соревнование в области стратегических вооружений», соревнование, «которое ввергло две сильнейшие сверхдержавы нашего времени в гонку вооружений, беспрецедентную по своему масштабу и опасности». Последующие 25 лет после заявления Банди прошли под знаком контроля над вооружениями. Этот процесс, который становился все более сложным и институционализированным, шел с переменным успехом, и вылился в разветвленную сеть ограничений ядерной политики супердержав. Его целью стала стабилизация соотношения ядерных сил двух сверхдержав за счет взаимного сдерживания. Вместе с тем, огромные ядерные арсеналы супердержав представляли не единственный источник опасности. Число государств, обладающих ядерным оружием, постепенно росло, и вместе с этим рос и уровень интереса ядерному оружию или технологиям для его производства среди неядерных государств. Альберт Уолстеттер в 1961 г. предупредил, что есть основания «беспокоиться о том, к каким колоссальным нестабильностям и опасностям приведет появление в мире большого количества государств, обладающих ядерным оружием»². Считалось что такой мир – «жизнь в толпе, вооруженной ядерным оружием», как писал Уолстеттер в своем, ставшем впоследствии знаменитым, исследовании был бы «гораздо более опасным, чем мир сегодняшний»³. Желание не допустить подобное развитие событий подвигло международное

¹ Bundy M. To Cap the Volcano. *Foreign Affairs*. 1969, vol. 48, no. 1, pp. 1–20.

² Wohlstetter A. Nuclear Sharing: NATO and the N+1 Country. *Foreign Affairs*. 1961, vol. 3, issue 4, pp. 158.

³ Wohlstetter A. Moving Toward Life in a Nuclear Armed Crowd? ACDA/PAB 263. 1975, p. 143. В материалах 1975 г. Вольштеттер и его коллеги делали предположение, что к 1985 г. порядка 40 стран будут иметь возможности для приобретения ядерного оружия.

сообщество к созданию Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), вступившего в силу в 1970 г., а затем и международного режима, целью которого стало установление препятствий правового и технического характера на пути распространения ядерного оружия. Таким образом, в ответ на главные угрозы ядерной эры появилось то, что Лоуренс Фридман назвал «двойной опорой» глобального ядерного порядка: взаимный баланс сил основных ядерных соперников и противодействие распространению ядерных вооружений на другие страны⁴.

К концу холодной войны взаимное сдерживание и контроль над стратегическими вооружениями стали важной составляющей взаимоотношений между США и Советским Союзом, а большинство стран мира, присоединившись к ДНЯО, взяли на себя юридически обязательство никогда не приобретать ядерное оружие. Окончание холодной войны и взаимной враждебности между Москвой и Вашингтоном вселяли надежды на то, что появится новая система международной безопасности, основанная на более тесном сотрудничестве, и наступит золотой век контроля над вооружениями⁵. Справедливости ради стоит отметить, что несмотря на общий оптимизм в отношении того, что президент Джордж Буш-старший назвал «новым мировым порядком», сохранялись также и некоторые опасения по поводу существующих ядерных угроз, а также продолжались споры по поводу эффективности системы ДНЯО. «Подул ветер перемен», – этими словами Буш уверенно завершил свою триумфальную и волнующую речь в ходе ежегодного Послания к Конгрессу в январе 1991 г.⁶ Построение более безопасного мира, в котором сдерживание ядерной угрозы осуществлялось бы путем координированных усилий казалось вполне достижимым, или, по крайней мере, возможным.

Спустя почти три десятилетия стало очевидно, что надежды на установление ядерного порядка, основанного на доброжелательности, обернулись большим разочарованием. Вопреки надеждам, гармонию и сотрудничество в отношениях между двумя ядерными державами сохранить не удалось, контроль над вооружениями и ядерное разоружение так и не достигло эпохи расцвета, а принцип ядерного нераспространения был нарушен рядом государств. Одновременно с этим отношения России с США и странами Запада приобрели сложный, а временами и враждебный характер. Подъем Китая стал осложняющим фактором в ядерных

⁴ См. Freedman L. The Interplay Between the International System and the Global Nuclear Order in Miller S., Legvold R., Freedman L. *Meeting the Challenges of the New Nuclear Age: Nuclear Weapons in a Changing Global Order*. Cambridge, Mass.: American Academy of Arts and Sciences, 2019, pp. 62–75.

⁵ См., например, Nolan J. *Global Engagement: Cooperation and Security in the 21st Century*. Washington, D.C.: Brookings Institution, 1994. Это результат совместной работы Института Брукинса, Гарвардского и Стэнфордского университетов по исследованию возможных форм сотрудничества в новой международной среде.

⁶ Address Before a Joint Session of Congress on the State of the Union, January 29, 1991.

Стало очевидно, что надежды на установление ядерного порядка, основанного на доброжелательности, обернулись большим разочарованием. Вопреки надеждам, гармонию и сотрудничество в отношениях между двумя ядерными державами сохранить не удалось, контроль над вооружениями и ядерное разоружение так и не достигло эпохи расцвета, а принцип ядерного нераспространения был нарушен рядом государств

расчетах Вашингтона и Москвы. Появление новых государств, обладающих ядерным оружием, способствовало формированию беспрецедентной по своему характеру региональной ядерной динамики, а затяжные кризисы вокруг ядерных программ Ирана и Северной Кореи поставил под вопрос эффективность ДНЯО. От части важных элементов системы контроля над вооружениями, унаследованных от холодной войны, было решено отказаться, а другие пострадали в результате разногласий по вопросу их соблюдения, и в настоящее время, по всей видимости, практически отсутствует интерес к возобновлению процесса контроля над вооружениями (как к двустороннего, так и к многостороннего). В то же время технологический прогресс в области средств наблюдения и точности наведения может способствовать снижению выживаемости развернутых ядерных сил и тем самым подорвать систему обеспечения стабильного сдерживания, которая служит

одной из опор глобального ядерного порядка. Современное состояние глобального ядерного порядка вызывает крайнюю обеспокоенность вопреки оптимистическим прогнозам, сделанным в 1991 г.: политические отношения подорваны, стабильность поставлена под угрозу, а состояние системы контроля над вооружениями значительно ухудшилось. Все это может привести к катастрофическим последствиям для мирового сообщества. Как утверждает Грегори Кобленц в своем недавнем анализе изменений ситуации в ядерной сфере, США могут оказаться «в ловушке нового ядерного порядка, который менее стабилен, менее предсказуем и менее восприимчив к американскому влиянию»⁷.

Как мы оказались в таком положении? Какие факторы оказывают негативное влияние на эволюцию глобального ядерного порядка? Далее в общих чертах обозначены три этапа атомной эры для того, чтобы продемонстрировать постепенный переход от нерегулируемой и высококонкурентной к строго регулируемой и совместно управляемой среде. Последовавший за этим шокирующий поворот в сторону менее регулируемого и более противоречивого третьего этапа глобального ядерного порядка получил особое место в данном исследовании. Параллельно с возникновением новых проблем (таких как многостороннее сдерживание) вновь начинают привлекать к себе внимание и старые проблемы (такие как противоракетная оборона). Пока не до конца ясно, куда мы движемся, но очевидно, что перед нами стоит ряд принципиально важных вопросов, которые необходимо решать. В каком мире нам предстоит

⁷ Koblentz G. *Strategic Stability in the Second Nuclear Age*. 2014. New York: Council on Foreign Relations. P. 32.

жить: будет ли он полон разногласий, более многополярен, менее стабилен, менее ограничен договорными обязательствами, и переполнен государствами, обладающими ядерным оружием? Возможно ли, что некоторые нежелательные обстоятельства, характерные для ранних этапов атомной эры вновь дадут о себе знать? И если это так, то что можно сделать, чтобы преодолеть новые ядерные угрозы? Если мы находимся на пути к новой ядерной эре, или новая эра уже началась, как управлять им осмотрительно и безопасно? Быстрый экскурс в историю ядерного порядка поможет понять контекст, в котором существуют эти вопросы, и получить представление об их важности.

Неуправляемое соревнование, 1945 –1970 гг.: гонка к забвению?

Изначально ядерного порядка не существовало, а было только ничем не ограниченное соревнование. В первой четверти атомного века ядерные силы развивались и эволюционировали в нерегулируемой среде. Участники холодной войны почти не вступали друг с другом в серьезный диалог. Соглашений по ограничению вооружений не существовало, как норм и неписаных правил поведения. Сложившийся порядок возник в результате нескоординированных односторонних действий и решений стран, принимавших их на основании своих интересов. Для двух супердержав такие действия вылились в напряженную гонку вооружений и серию ядерных кризисов. Движимые страхом, непрозрачностью существующего военного равновесия, неопределенностью планов и мотивов противоположной стороны, а также опасениями относительно эффективности сдерживания, обе ядерные державы быстро расширяли и модернизировали свои ядерные силы.

Ведущие специалисты в области стратегического ядерного планирования того времени быстро пришли к выводу о том, что ядерное оружие лучше всего рассматривать в качестве инструмента сдерживания. Основа этой теории была сформулирована Бернардом Броуди вскоре после Второй мировой войны, в конце 1945 г. Броди утверждал, что агрессор не захочет напасть первым в том случае, если он будет чувствовать угрозу ответного удара, поскольку катастрофические последствия ответных ядерных ударов перевесят любые плоды развязывания войны. Отсюда вытекает основная задача, представшая перед человечеством с приходом атомной эры: «Основной целью любой американской программы безопасности в век атомного оружия является принятие мер, направленных на то, чтобы гарантировать возможность ответного удара в случае нападения»⁸. Логика подсказывала, что если ядерные страны

⁸ Brodie B. *Implications for Military Policy* in Brodie B., ed., *The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order*. 1964. New Haven: Yale Institute of International Studies. P. 62. Броди завершил эту главу одним из самых знаменитых высказываний в истории ядерной мысли США: «До сих пор главной целью нашего военного командования было выигрывать

будут руководствоваться этим принципом, то это создаст условия для взаимного сдерживания (позже закрепившемся в американской ядерной доктрине как «взаимное гарантированное уничтожение» или ВГУ). Если ядерные соперники будут уверены в живучести и адекватности имеющихся у них средств для нанесения ответного удара, баланс ядерных сил будет устойчивым, т.е. ни одна из сторон не получит преимущества от нанесения первого удара. Согласно этой логике, ядерный порядок продолжал бы существовать в том или ином виде до тех пор, пока США и Советский Союз продолжали бы обеспечивать эффективное сдерживание друг друга, к чему они усиленно стремились. Как отмечает Лоуренс Фридман, «Цель ядерного тупика заключалась в том, чтобы нейтрализовать ядерные арсеналы. Преимущества от нанесения превентивного удара терялись. Арсеналы двух стран нейтрализовали друг друга»⁹.

Оглядываясь назад, нужно сказать, что несмотря на длительные годы ожесточенное политическое соперничество и даже вооруженные конфликты (в особенности в Корее и во Вьетнаме), порядок, основанный на принципе ядерного тупика, являлся достаточным для того, чтобы не допустить применения ядерного оружия. Однако это порядок также характеризовался высоким уровнем напряженности, опасными ситуациями, а также имел ряд некоторых других недостатков. Ядерное оружие не применялось, однако гонка вооружений между ядерными державами была крайне напряженной, а столкновения между ними и тогда, и в ретроспективе были очень опасными.

Мощная динамика гонки вооружений способствовала усилению ядерной конкуренции СССР и США. В этом сыграли роль по меньшей мере пять факторов. Во-первых, исключительная важность сохранения потенциала ответного удара, адекватного текущим и потенциальным угрозам, создавала стимулы для расширения и избыточного накопления вооружений: наличие большого по общему объему и по разнообразию вооружений обеспечивало страховку от первого удара и снимало опасения, что вооружения второй стороны, растущие в размерах и развивающиеся в технологическом отношении, могут создать ощутимую угрозу для своих сил сдерживания. Во-вторых, каждая из сторон стремилась обеспечить себе способность нанесения ответного удара, но при этом не желала признавать такую способность за другой стороной. Вместо этого Москва и Вашингтон принимали оперативные ядерные доктрины, в которых делали акцент на поражении ядерных сил противоположной стороны посредством планирования контрсилловых ударов и способов минимизации своего ущерба. Соответственно, значительный рост арсеналов означал увеличение числа потенциальных целей, поражение которых требовало дальнейшего расширения имеющихся вооружений, что

войны. С настоящего момента главной целью должно стать их предотвращение. Не существует практически никакой другой полезной задачи».

⁹ Freedman. A. The Interplay Between the International System and the Global Nuclear Order. P. 65.

создавало замкнутый ядерный круг. Очевидное острое противоречие между желанием создать жизнеспособные силы сдерживания противника и мощным стремлением иметь потенциал поражения сил другой стороны вело не только к росту ядерных арсеналов, но и к постоянным опасениям по поводу их уязвимости и нестабильности¹⁰.

В-третьих, в результате появления этих доктрин взаимодействие между странами значительным образом усилилось, поскольку ядерное планирование и поведение участников холодной войны оказывали влияние друг на друга, которое впоследствии стало известно как феномен «действие-противодействие»¹¹. Но в атмосфере враждебности, недоверия и неопределенности в отношении планов на будущее прослеживалась тенденция действовать из расчета на худшее развитие событий, постоянно быть готовым адекватным образом ответить на следующий шаг оппонента и опасаться того, что будущая угроза может оказаться больше и эффективнее, чем ожидалось. Считалось, что предусмотрительные политики должны вовремя чувствовать необходимость подготовки к худшему варианту развития событий, и это правильнее было бы обозначить как динамику «действие-гиперпротиводействие». Как писал в 1969 г. Джордж Ратженс, «Феномен действие-противодействие, в котором противодействие часто осуществляется преждевременно и/или в избыточных масштабах, очевидно стал основным стимулом для стратегической гонки вооружений». Гиперпротиводействие, по наблюдению Ратженса, приводит к «гонке вооружений, границы которой определяются исключительно экономическими возможностями, и каждый следующий этап обходится дороже предыдущего»¹².

¹⁰ См., например, классическое исследование Rosenberg D. *The Origins of Overkill: Nuclear Weapons and American Strategy, 1945–1960*. *International Security*, 1983, vol. 7, no. 4, pp. 3–71. Недавние работы по теме документируют и подчеркивают сопротивление в отношении взаимного сдерживания, ставят под вопрос стабильность ядерных взаимоотношений и отмечают стойкий корыстный интерес к стратегическому соперничеству. См., в частности: Green B. *The Revolution that Failed: Nuclear Competition, Arms Control, and the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. и Lieber K., Press D. *The Myth of the Nuclear Revolution: Power Politics in the Atomic Age*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2020. 280 p. Безоговорочная приверженность концепции масштабного контрсилового удара в стратегическом планировании США описана в работе Fred Kaplan, *The Bomb: Presidents, Generals, and the Secret History of Nuclear War*. New York: Simon & Schuster, 2020. 384 p.

¹¹ См., в частности, авторитетный анализ Джорджа Ратъенса: Rathjens G. *The Dynamics of the Arms Race*. *Scientific American*, 1969, vol. 220, no. 4, pp. 15–25.

¹² Rathjens G. *The Dynamics of the Arms Race*, pp. 181–182. Критики утверждали, впрочем, что модель действие-противодействие преувеличивала роль эффекта взаимодействия в динамике гонки вооружений и недооценивала роль внутренних политических, бюрократических, экономических и технологических факторов. См., в частности, работу Колина Грея: Gray C. *The Arms Race Phenomenon*. *World Politics*, 1971, vol. 24, no. 1, pp. 39–79. Наиболее решительные противники теории об эффекте взаимодействия утверждали, что гонка вооружений – миф, поскольку «программы стратегических вооружений США и Советского Союза были во многом независимы друг от друга», а также «потому что США попросту не принимали в ней участия, а напротив, останавливали

Страх перед возможностью того, что вторая сторона обладает более крупным и эффективным арсеналом вооружений оказывал свое воздействие на решения политиков и их восприятие ситуации. Долгий цикл создания основных систем вооружений означал, что государствам приходилось принимать решения, не имея четких сведений о том с какими угрозами им предстоит столкнуться в будущем.

В-четвертых, считалось, что гонка наступательных и оборонительных вооружений, одна из разновидностей модели действие-противодействие – обладает мощным эффектом. Для того чтобы сдерживание работало, необходимо чтобы часть ядерных сил не только уцелела после нападения второй стороны, но и смогла преодолеть оборону противника: в противном случае потенциал нанесения ответного удара оказался бы под вопросом и был бы недостаточным для обеспечения сдерживания противника.¹³ Даже неидеальный первый удар мог бы нанести значительный урон противнику и сократить имеющееся у него количество вооружений для ответного удара таким образом, чтобы защита от ответного удара стала гораздо более достижимой. Хотя на тот момент возможности и эффективность средств противоракетной обороны (ПРО) были ограничены, на то время никто не мог предугадать, какое развитие они могут получить в дальнейшем. Прорыв на этом направлении мог подорвать принцип сдерживания и дать одной из сторон стратегическое преимущество. Решением проблемы, вызванной угрозой создания противником эффективной системы обороны, стало расширение наступательных вооружений. Если наступательные вооружения достаточно обширны, то они способны преодолеть системы ПРО независимо от уровня их эффективности. Кроме того, в то время, как и сейчас, наращивание арсенала наступательных вооружений обходится дешевле, чем расширение систем ПРО. «В условиях конкуренции с решительно настроенным и обладающим достаточными ресурсами противником, – объяснял Ратженс по поводу решения США о развертывании систем ПРО в конце 60-х годов, – преимущество в дуэли, основанной на принципе «действие-противодействие», оставалось за тем, у кого насчитывалось больше единиц наступательного оружия». Несмотря на все это, желание обеспечить себе дополнительную защиту было достаточно сильно, как и нежелание оказаться беззащитными, свойственное внутривнутриполитическим настроениям, а не стратегическим соображениям. Поэтому и США, и Советский Союз разрабатывали системы ПРО и учитывали в своем планировании ядерных вооружений их возможное будущее развертывание в противником.

рост своих вооружений даже когда советский арсенал продолжал расти». См., например, статью Ричарда Перле: Perle R. The Arms Race Myth, Again. *The Washington Post*, 03.03. 2008.

¹³ Легендарное предупреждение Альберта Вольштеттера о нестабильности ядерного равновесия основывалось на утверждении, что сдерживающие силы должны быть одновременно способны выдержать нападение и затем пробить оборону врага, и нужно максимально внимательно относиться к соблюдению каждого из этих условий. См. Wohlstetter A. The Delicate Balance of Terror. *Foreign Affairs*, 1959, vol. 1, issue 1, pp. 8-17.

Логика гонки наступательных и оборонительных вооружений предполагала, что все более крупные и совершенные системы ПРО будут преодолеваются все более крупными и совершенными наступательными системами, которые будут расширяться, подгоняемые мотивами ядерного сдерживания. Это раскручивало восходящую спираль ядерного соперничества, не снижая при этом уровень ядерной угрозы. Как заключил Ратженс: «Почти наверняка в результате всех этих усилий и затрат ни одна из стран не сможет значительно повысить уровень своей национальной безопасности»¹⁴.

И наконец, в-пятых, по крайней мере в США, ядерная политика формировалась частично на основании политических опасений отстать от соперника и стать (или начать казаться) слабее его. В стратегическом отношении само количество вооружений необязательно имело принципиальное значение, а возможность гарантированно нанести ответный удар делала создание дополнительных вооружений излишним. Однако существовали опасения по поводу того, что отставание в количестве ядерных вооружений будет оказывать влияние на другие страны: союзники и противники США могли решить, что они являются более слабой стороной, и это могло бы серьезно ослабить позиции Вашингтона на международной арене¹⁵. Аналогичным образом в американском внутривластном контексте достижение Советским Союзом численного превосходства в вооружениях к 70-м годам стало тревожным сигналом, и политикам, находящимся у власти, было не выгодно признавать эту предполагаемую неполноценность. Закрепление в соглашениях по контролю над вооружениями преимуществ СССР вызвало серьезные противоречия и породило волну критики в США. Спустя десятилетия после обсуждения вопроса о ратификации Соглашения ОСВ-1, Генри Киссинджер не без раздражения называет «удивительной выдумкой» заявления о том, что в переговорах по ОСВ администрация Никсона «признала неравенство». Киссинджер объясняет, что «неравенство – это одно из тех словечек, которые создают свою собственную реальность», которая подорвала поддержку политики контроля над вооружениями Никсона-Киссинджера и создала впечатление, как пишет сам Киссинджер, «что администрация защищала «ракетное отставание», невыгодное для США»¹⁶. Проще говоря, внутривластные соображения сливались

Логика гонки наступательных и оборонительных вооружений предполагала, что все более крупные и совершенные системы ПРО будут преодолеваются все более крупными и совершенными наступательными системами, которые будут расширяться, подгоняемые мотивами ядерного сдерживания

¹⁴ Rathjens G. *The Dynamics of the Arms Race*, pp. 177–178.

¹⁵ См. иллюстрацию (спорного) утверждения, что ядерное превосходство имеет значение, во многом потому, что влияет на смену правящих партий, у Мэтью Крёнига: Kroenig M. *Nuclear Superiority and the Balance of Resolve: Explaining Nuclear Crisis Outcomes*. *International Organization*, 2013, vol. 67, no. 1, pp. 141–171.

¹⁶ Kissinger H. *Diplomacy*. New York: Simon and Schuster, 1994. 749 p.

со стратегическими расчетами, когда дело касалось продвижения ожесточенного соперничества в ядерных отношениях.

Другой осложняющий фактор в ядерной дипломатии заключалось в том, что ядерное оружие могло распространиться на новые страны. С первых дней ядерной эры существовало понимание, что и другие страны могут захотеть обзавестись собственным ядерным арсеналом, что в итоге в 1946 году Броди назвал «много стороннее обладание ядерным оружием»¹⁷. Любая страна, обладавшая возможностями или способная раздобыть технологические и финансовые ресурсы, необходимые для создания военной ядерной программы, могла пойти по этому пути. В то время как США и Советский Союз были сосредоточены друг на друге, отмечалось, что в не столь отдаленном будущем могли появиться новые страны с ядерным оружием. К 1960 г. у Вашингтона опасались, что в течение следующих 5–15 лет в мире могло появиться 25 новых ядерных стран. Этот прогноз Джон Кеннеди озвучил во время своей президентской кампании, и позже, будучи уже президентом, повторил в ходе памятной пресс-конференции в марте 1963 г.¹⁸ Таким образом еще одним значительным фактором неопределенности стала возможность превращения двустороннего ядерного соперничества в многосторонний феномен, характеризующийся растущим количеством участников (больших и малых, стабильных и нестабильных, ответственных и безответственных), региональных ядерных силовых балансов, страхов перед нападением с разных направлений и опасений относительно стабильности усложненной системы ядерного взаимодействия. И Москва, и Вашингтон боялись и выступали против такого развития событий – их интерес был глубоко взаимным и породил значительное сотрудничество между странами по вопросу нераспространения даже в самые мрачные дни холодной войны¹⁹. Однако политическим лидерам и ядерным стратегам с обеих сторон приходилось рассматривать потенциальные последствия жизни в уолстеровской «ядерной толпе». Это было еще одной тревожной особенностью атомной эры.

¹⁷ Brodie B. *Implications for Military Policy*. P. 61.

¹⁸ В ходе президентских дебатов 13 октября 1960, например, Кеннеди сказал: «Есть признаки того, что в связи с новыми изобретениями 10, 15 или 25 стран, включая Красный Китай, будут иметь ядерное оружие – уже к концу моего президентского срока в 1964 году. Это очень серьезно». См.: Commission on Presidential Debates, October 13, 1960, Debate Transcript. Available at: <http://www.debates.org/index.php?page=october-13-1960-debate-transcript> (accessed 04.12.2020). Я благодарю Криса Чибу за то, что он обратил мое внимание на эту цитату. Заявление Кеннеди в марте 1963 года и более широкий обзор опасений относительно распространения ядерного оружия см. у Питера Лавоя: Lavooy P. Predicting Nuclear Proliferation: A Declassified Documentary Record. *Strategic Insights*, 2004, vol. III, issue 1. Available at: <https://fas.org/man/eprint/lavooy.pdf> (accessed 04.12.2020).

¹⁹ См., например: Potter W., Bidgood S., eds., *Once and Future Partners: The United States, Russia, and Nuclear Non-Proliferation*. London: IISS, 2018. 294 p. В этой работе исследуются случаи, когда США и СССР сотрудничали по вопросу нераспространения ядерного оружия.

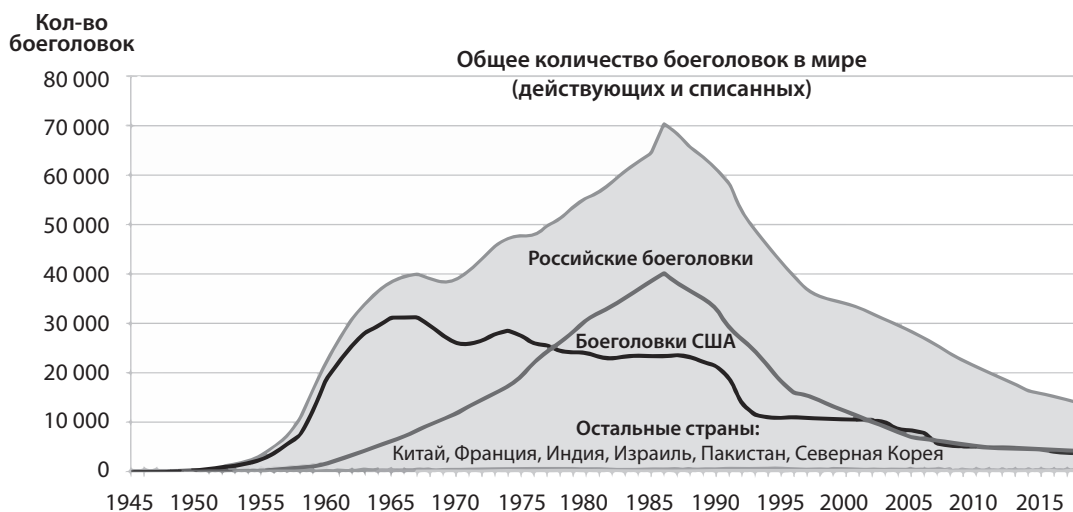
Влияние этих мощных сил привело к трем масштабным последствиям. Во-первых, общий объем вооружений возрос до колоссального уровня, кажущегося на сегодняшний день неправдоподобным. Всего одной небольшой бомбы было достаточно, чтобы уничтожить Хиросиму, а супердержавы накопили десятки тысяч единиц ядерного оружия, почти каждая из которых была мощнее тех, что были применены в 1945 г. На пике гонки вооружений в 1986 г., супердержавами были развернуто свыше 70 тыс. боеголовок – более 30 тыс. Соединенными Штатами и почти 40 тыс. Советским Союзом²⁰. Это беспрецедентное количество вооружений представляло собой не поддающуюся воображению сумму разрушительной мощи, в результате чего возникли опасения, что любой сколько-нибудь значительный обмен ударами между СССР и США приведет к наступлению «ядерной зимы» – нанести серьезный ущерб глобальной экосистеме, так как гигантское количество пыли и мусора, оказавшихся в атмосфере, закроет Землю от солнечного света и приведет к похолоданию планетарного климата²¹. Сторонники контроля над ядерными вооружениями считали, что в результате такого непомерного наращивания военной мощи не произошло никакого улучшения положения в области безопасности, а только возросли угрозы и затраты на его обеспечение. Напряженная количественная гонка вооружений была отличительной чертой нерегулируемого этапа атомной эры, который продолжался и в 80-е годы.

Во-вторых, борьба за преимущество и страх отставания привели к тому, что ядерным оружием стало оснащаться практически все. Основными носителями стратегических ядерных вооружений, естественно, являлись стратегические бомбардировщики и межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), но к 1960-м годам ядерное оружие США и Советского Союза присутствовало в каждом роде войск и почти на всех мыслимых средствах доставки. Воздушные суда тактического назначения были оснащены бомбами свободного падения. Ракеты меньшей и средней дальности были оснащены ядерными боеголовками. Были развернуты перехватчики ПВО и торпеды в ядерном оснащении. Также появилось так называемое ядерное оружие поля боя, к коему относились ядерные артиллерийские снаряды, ядерные мины и переносные средства. Например, M28/M29 «Дэви Крокетт» – безоткатное орудие с ядерным боеприпасом, управляемое командой из трех человек, которое стреляло боеголовкой W54 весом 23 кг в корпусе диаметром 28 см и длиной 79 см. С 1961 по 1971 гг. «Дэви Крокетт» был развернут

²⁰ Использованные данные, включая таблицу, взяты из публикации Ханса Кристенсена и Роберта Норриса: Kristensen H., Norris R. *Status of World Nuclear Forces*. Washington, D.C.: Federation of American Scientists, 2018.

²¹ См. знаменитый анализ группы ведущих ученых по климату: Turco R., Toon O., Ackerman T., Pollack J., Sagan S. Nuclear Winter: Global Consequences of Multiple Nuclear Explosions. *Science*, 1983, vol. 222, no. 4630, pp. 1283–1292.

Расчетное количество ядерных боеголовок в мире, 1945–2018 гг.

Источник: Hans M. Kristensen and Robert S. Norris, "Status of World Nuclear Forces" (Washington, D.C.: Federation of American Scientists, June 2018).

в Германии и Южной Корее²². На пике атомной гонки в 70-х годах США обладали около 7,6 тыс. ед. тактического ядерного оружия, из которых 7,3 тыс. были развернуты на американских базах в Европе²³. Все виды и рода войск (наземные, морские, тактические воздушные) стали частью ядерного уравнения. В ходе разработки ядерных доктрин наряду с активным развертыванием ядерных вооружений особое внимание стало уделяться комплексной взаимосвязи ядерных потенциалов в зависимости от степени эскалации и различным сценариям ограниченного применения ядерного оружия не приводящих к полномасштабной ядерной войны²⁴. Неограниченная конкуренция расширила границы ядерных дебатов и породила более опасные сценарии и возможности.

²² Фактические сведения о системе Дэви Крокетт можно найти у Мэтью Силинджера: Seelinger M. The M28/M29 Davey Crockett Nuclear Weapon System. Army History Center, National Museum of the United States Army, 2016. Available at: www.armyhistory.org (accessed 04.12.2020).

²³ См. обсуждения и данные у Ханса Кристенсена: Kristensen H. *Non-Strategic Nuclear Weapons*. Special Report No. 3. Washington, D.C.: Federation of American Scientists, 2012. 86 p. Статистика по количеству тактических вооружений приводится на стр. 18.

²⁴ В знаковом исследовании середины 60-х годов Герман Кан определил и проанализировал примечательное количество «ступенек» на «лестнице эскалации». См. Герман Кан: Kahn H. *On Escalation: Metaphors and Scenarios*. New York: Praeger, 1965. 361 p. Генри Киссинджер стал наиболее известен как апологет и защитник доктрины ограниченной атомной войны как альтернативы политике массивного ответного удара, проводимой Эйзенхауэром. См. Генри Киссинджер: Kissinger H. *Nuclear Weapons and Foreign Policy*, New York: Council on Foreign Relations, 1957. 312 p.

В-третьих, гигантское накопление и широкое распространение вооружений сопровождалось активными инновационными процессами и быстрыми темпами ядерной модернизации. В начале атомной эры бомбардировщики средней дальности были основными носителями боеголовок, но вскоре их вытеснили межконтинентальные стратегические бомбардировщики. Начиная с 1951 г. США начали разработку более чем 2 тыс. бомбардировщиков средней дальности В-47, но в 1955 г. был представлен дальний бомбардировщик В-52, и к 1963 г. было создано более 700 единиц В-52. Советский Союз также прорывался в ракетную эру. В октябре 1957 г. Москва продемонстрировала прогресс в области ракетостроения, запустив в космос первый искусственный спутник. Для США такое событие стало неожиданностью и вызвало шок по поводу собственного отставания. Это событие дало толчок развитию ракетной программы США, и в начале своего президентского срока президент Кеннеди принял решение развернуть тысячу МБР, которые получили название «Минитмен». Параллельно с этим, в 1961 г. началось размещение баллистических ракет на подводных лодках. К концу 1960-х годов начались программы оснащения ракет разделяющимися головными частями и совершенствованию их систем наведения для повышения точности.

Масштабные и избыточные арсеналы стратегических вооружений, накопленные обеими сторонами, придавали уверенность, что силы ответного удара смогут выдержать любую атаку и обеспечить эффективное ядерное сдерживание. Однако скорость инноваций и модернизации была пугающей и разрушительной, она породила страх, что можно стать уязвимыми в будущем или уже сейчас, что асимметричные возможности могут дать одной из сторон значительное или даже решающее преимущество. Опора на бомбардировщики средней дальности требовала использования авиабаз, находящихся в пределах досягаемости Советского Союза, что делало их уязвимыми для нападения. Бомбардировщики большой дальности были потенциально уязвимы для внезапных атак МБР. Даже ракеты, расположенные в защищенных шахтных пусковых установках (ШПУ), были уязвимы для ракет с высокой точностью наведения. Системы управления ядерными силами могли стать объектом сокрушительных «обезглавливающих» атак. В условиях быстрой модернизации все эти опасения вновь проявились и породили многолетний спор о жизнеспособности и эффективности средств сдерживания, а также о повторяющемся характере кризисов уязвимости. Так, к середине холодной войны США были крайне серьезно обеспокоены предполагаемой уязвимостью своих МБР²⁵. В то время как активная количественная гонка вооружений привела к накоплению гигантских запасов вооружений, напряженная качественная гонка вооружений

²⁵ См., например: Carnesale A., Glaser C. ICBM Vulnerability: The Cures are Worse than the Disease. *International Security*, 1982, vol. 7, no. 1, pp. 70–85.

В то время как активная количественная гонка вооружений привела к накоплению гигантских запасов вооружений, напряженная качественная гонка вооружений вселяла постоянное чувство тревоги и волнения по поводу нестабильности ядерного баланса

вселяла постоянное чувство тревоги и волнения по поводу нестабильности ядерного баланса. Вынужденная конкуренция в области количественной и качественной гонки вооружений привела к тому, что называют нестабильностью гонки вооружений. Это было драматическим обстоятельством: дорогостоящая, потенциально опасная и имеющая сомнительный положительный эффект с точки зрения безопасности гонка породила страх нестабильности. Многочисленные дипломатические столкновения между ядерными державами вызвали еще большие опасения, повышая риск военной эскалации и возможность применения ядерного оружия.

Одно столкновение следовало за другим: корейская война, проблема принадлежности островов Куэма и Мацзу и берлинский кризис. Общеизвестным моментом наивысшей опасности считается Карибский кризис, разразившийся в октябре 1962 г. Крайне напряженное противостояние между Москвой и Вашингтоном, связанное с размещением советских ракет на Кубе, поставило мир на грань ядерной войны (или так думали), а последующие воспоминания указали на опасности, которая в то время были малоизучены и непонятны. Момент, когда все оказалась на грани войны, наглядно продемонстрировал опасность ядерных кризисов. «События выходили из-под контроля, – отмечал Роберт Макнамара в одном из своих многочисленных размышлений об уроках кризиса 1962 года, – и было чистой удачей, что стороны в итоге начали принимать меры, прежде чем контроль был утрачен и Восток и Запад оказались бы втянутыми в ядерную войну, которая привела бы к уничтожению народов. Мир висел на волоске»²⁶.

Карибский кризис вывел на первый план две основных обеспокоенности. Первой являлась важность осторожного и надежного управления кризисами. Убеждения в том, что катастрофы в 1962 г. удалось избежать благодаря умелой политике президента Кеннеди, возвели кризисное управление практически в разряд отдельной дисциплины. Второе, более серьезное опасение заключалось в опасении, что в ходе кризиса может возникнуть соблазн нанести первый удар, если это даст нападающему преимущества перед противником, особенно если был страх, что первого удара другой стороны. В 1960 г. Томас Шеллинг предупреждал, что даже небольшая выгода для того, кто ударит первым, может быть многократно увеличена в результате динамики, которую он назвал взаимным страхом внезапной атаки: «Страх, что другая сторона возможно вот-вот нанесет удар, ошибочно полагая, что мы сами вот-вот нанесем удар, дает нам мотив для удара и таким образом

²⁶ Interview with Robert McNamara, 1998. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/cold-war/interviews/episode-11/mcnamara2.html> (accessed 04.12.2020).

оправдывает мотив другой стороны»²⁷. Это являлось еще одним аргументом в пользу устойчивого сдерживания: ответом на нестабильность кризиса были живучие ядерные силы, которые гарантировали, что внезапное нападение повлечет катастрофическое возмездие. После Карибского кризиса данный урок был полностью усвоен.

В целом ядерный порядок первых двадцати пяти лет атомной эры принял форму неуправляемого противостояния, ограниченного лишь финансовыми и технологическими возможностями, в котором основной регулирующей силой служило взаимное сдерживание, возникшее в результате односторонних усилий каждой из сторон по нейтрализации ядерного потенциала противника. Эта форма ядерного порядка сопровождалась огромным количественным ростом ядерных арсеналов, всеобъемлющей нуклеаризацией вооруженных сил и доктрин, а также повторяющимися опасными и иногда почти катастрофическими кризисами. Однако постепенно возникла школа мысли, которая предполагала, что рисками и затратами, направленными на поддержание ядерного порядка, можно управлять и сокращать их путем заключения договоренностей.

Возникла школа мысли, которая предполагала, что рисками и затратами, направленными на поддержание ядерного порядка, можно управлять и сокращать их путем заключения договоренностей

Управляемое соперничество, 1970–2000 гг.: формирование архитектуры сдерживания

Было бы неверным предполагать, что трансформация ядерного порядка произошла внезапно, как по мановению волшебной палочки, и что она закончилась идиллией. Напротив, соперничество супердержав оставалось напряженным, количество ядерных вооружений оставалось на высоком уровне, продолжались попытки обойти барьеры взаимного сдерживания, сохранялись острые дипломатические конфронтации и опасения по поводу возможного распространения ядерного оружия. Тем не менее, неограниченное соперничество первой четверти ядерного века периода после Второй мировой войны сменилось на несколько десятилетий этапом развития контроля над вооружениями. Начиная с конца 50-х годов группа исследователей начала анализировать и продвигать идею контроля над вооружениями, предполагая, что взаимные договоренности об ограничениях являются как желаемыми, так и достижимыми²⁸. Целью, как ее сформулировал Алистер Бьюкен,

²⁷ Schelling T. *The Reciprocal Fear of Surprise Attack* in Schelling T. *The Strategy of Conflict*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980. 207 p.

²⁸ Венцом этих усилий стала исследовательская группа по контролю за вооружениями в Американской академии искусств и наук, которая создала исследование, известное как «библия» контроля над вооружениями. См. Brennan D., ed., *Arms Control, Disarmament, and National Security*. New York: George Braziller, 1961. 480 p. Также этот проект

бывший директор Международного института стратегических исследований (МИСИ), являлась «стабилизация взаимного сдерживания через односторонние и многосторонние шаги, а также попытка идентифицировать и контролировать наиболее опасные стороны гонки вооружений...»²⁹. Эти идеи обсуждались в течение многих лет, и, наконец, в 60-х годах принесли свои плоды. Это произошло частично благодаря ядерным испытаниям, проведенным Китаем в октябре 1960 г.³⁰ и частично – переговорам о заключении Договора об ограничении стратегических вооружений, начавшимся в 1965 г. под эгидой ООН. Происходившие параллельно с этим попытки запустить обсуждение контроля над вооружениями в двустороннем формате СССР – США оказались сорваны в результате советского вторжения в Чехословакию в 1968 г. В итоге переговоры начались только в ноябре 1969 г., запустив процесс, который существовал с незначительными перерывами на протяжении 40 лет. Были налажены процессы, направленные на усиление «двойной опоры» Лоуренса Фридмана (нераспространения и стратегической стабильности).

Эволюцию ядерного порядка
нельзя назвать ни гладким,
ни гармоничным процессом

интерес к предотвращению распространения ядерного оружия и предотвращению неприемлемой ядерной войны, их отношения были наполнены разногласиями и недоверием вплоть до самого последнего периода холодной войны. Контроль над вооружениями продолжал вызывать споры, и скептики открыто критиковали как сам процесс, так и содержание конкретных соглашений³¹. Тем не менее, на протяжении нескольких десятилетий с конца 60-х до конца 90-х годов постепенно происходило выстраивание

Американской академии оказал влияние на работу Томаса Шеллинга и Мортона Гальперина: Schelling T., Halperin M. *Strategy and Arms Control*. New York: Twentieth Century Fund, 1961. 128 p. Другая классика контроля над вооружениями появилась в 1961 году в работе Хедли Булла: Bull H., *The Control of the Arms Race: Disarmament and Arms Control in the Missile Age*. New York: Praeger, 1961. 235 p.

²⁹ Buchan A. *Foreign Comment* in Brennan, ed., *Arms Control, Disarmament, and National Security*. P. 443.

³⁰ Так в тексте, на самом деле КНР провел первое испытание в 1964 г. (Замечание переводчика.)

³¹ Великолепная и краткая справка, где собрана критика деятельности по контролю над вооружениями, которая утверждает, что его преимущества были ничтожны или вовсе отсутствовали, а эффект был контрпродуктивным, дорогостоящим и дестабилизирующим, содержится в статье Ричарда Перле: Perle R. *Good Guys, Bad Guys, and Arms Control* in Ian Anthony and Daniel Rotfeld, eds., *A Future Arms Control Agenda*. Oxford: Oxford University Press, 2001. pp 43–51. Более развернутое описание примеров в жанре анти-контроля за вооружениями можно найти у Брюса Берковитца: Berkowitz B. *Calculated Risks: A Century of Arms Control, Why it Has Failed, and How it Can Be Made to Work*. New York: Simon & Schuster, 1987. 221 p., и Колина Грея: Gray S. *House of Cards: Why Arms Control Must Fail*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1992. 242 p.

системы выверенных соглашений, которая решала оба вопроса (потенциального распространения ядерного оружия на третьи страны и о двустороннего противостояния СССР и США). Как писал о том времени Ричард Хаас, «здравый смысл и осторожность постепенно взяли верх»³².

Можно долго говорить о создании сети взаимосвязей и ограничений, живописуя подробности, но главное понимать, что базовая архитектура сдерживания была основана на фундаменте, состоявшем из четырех основных элементов.

Предотвращение распространения ядерных вооружений: Договор и режим нераспространения

Каким-то чудом удалось согласовать юридически обязывающее многостороннее соглашение, которое закрепляло за пятью участниками официальный статус государств, обладающих ядерным оружием, и при этом запрещало всем остальным создавать или любым способом приобретать ядерное оружие. Со временем, тоже каким-то чудом, почти все государства мира (191 страна-участник) присоединились к договору. Все страны, не обладающие ядерным оружием (за исключением Южного Судана), подписали юридически обязывающее соглашение, согласно которому они принимали на себя обязательство сохранять безъядерный статус. Договор о нераспространении вступил в силу в 1970 г., создав правовую основу для формирующегося режима контроля над использованием ядерных технологий и системы обязательных инспекций ядерных объектов, целью которых являлось предотвращение распространения технологий производства ядерного оружия и использования гражданский ядерных объектов для незаконного производства ядерного оружия. В случае какого-либо нежелательного развития событий или появления нового вызова, режим получал некоторые корректировки, необходимые для того его адаптации к новым условиям. Например, после ядерных испытаний, проведенных Индией в 1974 г., в целях упорядочения контроля за экспортом чувствительных технологий и предотвращения попадания технологий оружейного свойства в руки потенциально неблагонадежных получателей, была создана Группа ядерных поставщиков (ГЯП). Похожим образом после обнаружения в Ираке подпольной программы по производству ядерного оружия в 1990 г. Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) разработало новые правила предоставления информации и инспекционных мер, который получили закрепление в документе под названием Дополнительный протокол. За почти пять десятилетий с момента вступления в силу ДНЯО режим претерпел значительные изменения. С самого начала имелись сомнения

³² Haas R. *Foreword* in Koblenz G. *Strategic Stability in the Second Nuclear Age*. Council on Foreign Relations, 2014. Available at: <https://www.cfr.org/report/strategic-stability-second-nuclear-age> (accessed 04.12.2020).

В 50-х и 60-х годах мало кто мог представить, что в итоге в мире появится так немного ядерных государств, и уж тем более никто не ожидал, что отказ от приобретения ядерных вооружений станет общепринятой нормой

в его достаточности и эффективности³³. Сомнения остаются и по сей день, и затяжные ядерные кризисы служат своего рода проверкой на прочность для режима. На примере Ирана и Северной Кореи можно увидеть, что они могут приобретать тревожные и деструктивные масштабы, а решение этих кризисов представляет собой крайне сложный и трудоемкий процесс. Тем не менее, на смену нерегулируемому порядку, который вызывал опасения в отношении распространения ядерного оружия

на многие страны мира, пришел практически универсальный договор, который ввел запрет на приобретение ядерного оружия и установил режим ограничения распространения и контроля за использованием чувствительных ядерных технологий. В 50-х и 60-х годах мало кто мог представить, что в итоге в мире появится так немного ядерных государств, и уж тем более никто не ожидал, что отказ от приобретения ядерных вооружений станет общепринятой нормой³⁴. Страх, что количество ядерных государств будет стабильно расти, было вытеснено убеждением, что большинство стран не пойдут по этому пути. Это стало поворотным моментом в истории глобального ядерного порядка.

Жесткие ограничения в отношении противоракетной обороны: Договор по ПРО

Зарождающиеся в США и СССР программы противоракетной обороны стимулировали гонку вооружений и являлись потенциально дестабилизирующим фактором в стратегическом уравнении между супердержавами, поскольку имели возможность усиливать потенциал первого удара. На ранних стадиях контроля за стратегическими вооружениями наиболее значимым результатом в этой области стало заключение бессрочного Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ДПРО) от 1972 г., который ввел ограничение для обоих участников, согласно которым они могли иметь только два стратегически незначительных района противоракетной обороны³⁵. Интерес к противоракетной обороне сохранялся, и ее исследования продолжались (в особенности при

³³ См знаменитое эссе Альберта Вольштеттера: Wohlstetter A. Spreading the Bomb without Quite Breaking the Rules. *Foreign Policy*, 1976-1977, vol. 25, pp. 88-94, в котором он сформулировал недовольство тем, что режим договора о нераспространении ядерного оружия позволяет странам приблизиться к получению бомбы, не нарушая его условий.

³⁴ См, например: Potter W. The NPT & the Sources of Nuclear Restraint. *Dædalus*, 2010, vol. 139, no. 1, pp. 68-81, где он попытался объяснить почему существует мало стран с ядерным оружием и приводит доводы в пользу влияния нормы нераспространения.

³⁵ Очень сложный путь, который привел к этому результату, детально описан у Джеймса Кэмерона: Cameron J., *The Double Game: The Demise of America's First Missile Defense System and the Rise of Strategic Arms Limitation*. Oxford: Oxford University Press, 2017, 249 p.

Рейгане и его Стратегической оборонной инициативе 80-х годов), однако оперативное развертывание было жестко ограничено бессрочным договором. Протокол ДПРО от 1974 г. сократил количество объектов до одного, и в 1975 г. США полностью отказались от развернутой противоракетной обороны (хотя исследования и разработка продолжились). ДПРО считался одним из столпов системы контроля над вооружениями. Он свел на нет влияние модели реакция-противодействие на принятие решений, связанных с ядерным оружием, а также исключил противоракетную оборону из уравнения на обозримое будущее. Это стало значительным изменением в характере глобального ядерного порядка.

Ограничение и сокращение наступательных ядерных вооружений: ОСВ, СНВ и другие

Противоракетная оборона была лишь одним из факторов, придавших толчок наращиванию наступательных ядерных вооружений. На него также повлияли страх уязвимости, опасения отстать от противника, желание усилить возможности контрсилового удара, а также развитие инноваций и модернизация. Неуверенность была определяющим фактором: кто мог знать, насколько может быть велика и эффективна сила противника в будущем, особенно когда при текущем планировании приходилось предугадывать возможности на годы вперед? Начиная с переговоров об ограничении стратегических вооружений в ноябре 1969 г. и вплоть до момента заключения СНВ-3 в апреле 2010 г., Вашингтон и Москва вели долгие переговоры с целью ограничить стратегические наступательные вооружения³⁶. Переговоры обычно шли медленно и трудно, договоренности были подчас разочаровывающими и часто противоречивыми. Иногда процесс прерывался или заканчивался неудачей: например, ратификация соглашения по ОСВ-II не состоялась из-за ввода советских войск в Афганистан в 1979 г.

Однако кумулятивным эффектом этого процесса стало наложение эволюции все более значимых ограничений на масштаб и характер ядерных вооружений на процесс верификации, который снижал непрозрачность соперничества. Первое такое соглашение – Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений 1972 г. – заморозило количество пусковых установок: таким образом удалось «закупорить вулкан» и остановить раскручивающуюся спираль растущего количества носителей ядерного оружия, как выяснилось, навсегда. Принято считать, что контроль над вооружениями скорее маскировал, нежели сокращал советско-американское соперничество, но также вероятно, что общий объем вооружений мог

³⁶ Полную историю вопроса можно найти у Мэтью Амброуза: Ambrose M. *The Control Agenda: A History of the Strategic Arms Limitation Talks*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2018. 407 p.; и у Джеймса Лебовица: Lebovic J. *Flawed Logics: Strategic Nuclear Arms Control from Truman to Obama*. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 2013, 306 p.

вырасти до еще больших значений, если бы не было ограничений оборонительных и наступательных вооружений. С 1972 г., однако, стратегические ядерные арсеналы управлялись совместными ограничениями и, соответственно, будущий масштаб сил противника был известен довольно точно до тех пор, пока структура управления оставалась нерушимой. Советский Союз и США договорились соблюдать ограничения договора ОСВ-2 от 1979 г., несмотря на то что он так и не был ратифицирован. Начиная с 80-х годов контроль над вооружениями фокусировался на сокращении количества и ограничении модернизации, даже несмотря на скептицизм администрации Рейгана в отношении контроля над вооружениями и того факта, что она начала политику конфронтации с Советским Союзом. С подписанием договора СНВ-1 в 1991 г. после почти десяти лет переговоров было достигнуто соглашение о значительном сокращении вооружений, установлены ограничения на их модернизацию, приняты обширные верификационные меры; стратегические ядерные взаимоотношения регулировались детальным договором, который включал бесчисленные страницы определений, приложений, протоколов и согласованных договоренностей. Это сильно изменило реальность, существовавшую на протяжении первых 25 лет ядерной эры.

Цель этого затянувшегося упражнения по контролю за вооружениями состояла не только в сдерживании ядерного соперничества между двумя супердержавами, т.е. в стремлении упорядочить гонку вооружений. Также стояла задача предотвратить возникновение дестабилизирующего потенциала, таким образом способствуя кризисной устойчивости. Безусловно, ни одна из сторон на самом деле никогда не отказывалась от стремления к преимуществам или поиска применимых ядерных опций, но потребность обеспечить адекватное сдерживание была более основательной. Контроль над вооружениями рассматривался как инструмент, способный укрепить сдерживание и предотвратить потенциальные угрозы для системы сдерживания. Как писал Генри Киссинджер, «Дипломатия контроля над вооружениями концентрировалась на ограничении структуры и качественных характеристик стратегических вооружений, чтобы свести к минимуму стимул для внезапного нападения»³⁷.

Контроль над вооружениями как процесс управления

Несмотря на периодическое обострение советско-американских отношений и отдельные случаи перерывов, переговоры по контролю над вооружениями стали формой институционального диалога по ядерным вопросам. Например, вот как Мэтью Амброуз комментирует ОСВ:

«Переговоры стали настолько рутинными, что перестали ассоциироваться с конкретными соглашениями, которые в тот или иной момент

³⁷ Kissinger H. *Diplomacy*. New York: Simon and Schuster, 1994. 715 p.

обсуждались, и вместо этого рассматривались как непрерывный процесс. В этом процессе политические лидеры с каждой стороны формулировали политику, представляли и выносили на обсуждение свои позиции по вопросам путем формальных дипломатических обменов. Эти обмены перемежались периодическими встречами глав государств или членов кабинета министров. По мере того, как этот цикл повторялся, лидеры преимущественно видели свою задачу в рамках более абстрактного «процесса переговоров по ОСВ»³⁸.

Это упорядоченное взаимодействие стало фактически механизмом для совместного управления ядерным балансом. Совершенно неkoordinированные усилия 50-х и 60-х годов были в итоге заменены практикой регулярных консультаций, результатом которых было периодические согласованные ограничения ядерных вооружений. Соперничество сохранялось, и ядерная угроза не исчезла, но эпоха безудержного ядерного соперничества и стремительного наращивания ядерных вооружений подошла к концу.

Перспективы и прогресс после холодной войны

Контроль над вооружениями продемонстрировал свою устойчивость к охлаждению отношений и неудачам даже во время холодной войны. С окончанием холодной войны возник беспрецедентный момент надежды. Вместо напряженного антагонизма появилось «стратегическое сотрудничество» между Москвой и Вашингтоном. Когда «холодная война» пошла на убыль и затем растворилась в истории, настал замечательный период в эпохе контроля над вооружениями, который длился более десяти лет. Этот этап начался с судьбоносной встречи на высшем уровне между Горбачевым и Рейганом в Рейкьявике в 1986 г., на которой два президента обсудили как ликвидацию всех ядерных вооружений, так и запрет на баллистические ракеты³⁹. Хотя стороны не смогли достичь согласия по этим беспрецедентно радикальным мерам, встреча в Рейкьявике стала символическим прорывом к гораздо более амбициозной эпохе контроля над вооружениями. Через короткое время был заключен Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) 1987 г., который ликвидировал целый класс ракет. Это стало началом сворачивания нуклеаризации всего и вся, которая наблюдалась

³⁸ Ambrose M. *The Control Agenda: A History of the Strategic Arms Limitation Talks*, introduction.

³⁹ Команда Рейгана, по крайней мере, с тревогой отреагировала на эти обсуждения, которые представляли смертельную угрозу существующей структуре ядерного равновесия эпохи холодной войны. См, например, едкий комментарий Кеннета Эйдельмана: Adelman K. *The Great Universal Embrace: Arms Summitry – A Skeptic's Account*. New York: Simon and Shuster, 1989, pp. 19–88. На момент саммита Эйдельман возглавлял Агентство США по контролю над вооружениями и разоружению.

в первые десятилетия ядерной эры. После этого в 1991 г. последовал беспрецедентный ряд взаимных односторонних мер, предпринятых президентами Бушем и Горбачевым (и частично вызванный путчем 1991 г. и попыткой сместить Горбачева, что создавало озабоченность относительно контроля над ядерными вооружениями), которые обязывали обе стороны ликвидировать, вывести из эксплуатации или значительно сократить большинство видов тактического ядерного оружия. Особенно примечательным был фокус на устранение тактического ядерного оружия сухопутных войск и военно-морского флота⁴⁰. Целью и результатом этих инициатив было «радикальное сокращение» запасов развернутого тактического ядерного оружия⁴¹. В декабре 1991 г. США инициировали Программу совместного уменьшения угрозы (также известную как Программа Нанна-Лугара), которая предполагала тесное взаимодействие и инвестиции средств американских налогоплательщиков в российский ядерный комплекс. Программа была направлена на обеспечение безопасности объектов и ядерных материалов, используемых в производстве ядерного оружия, чтобы устранить опасения, что российское ядерное оружие может попасть на нелегальный рынок в беспокойное время после распада Советского Союза. Эта программа не была лишена трудностей и недостатков, но она способствовала тесному ядерному сотрудничеству, которое ранее было немыслимо. В короткие сроки возможности для контроля над вооружениями очевидным образом расширились, и ядерное взаимодействие трансформировалось в результате беспрецедентных шагов, следовавших один за другим.

Одновременно с этим были предприняты значительные шаги в направлении контроля над стратегическими вооружениями. После трудного десятилетия прерывающихся и вновь возобновляемых переговоров 31 июля 1991 г. был подписан договор СНВ-1. Он был наиболее сложным из всех ядерных соглашений, содержал детальные условия по верификации и предусматривал значительное сокращение числа развернутых стратегических носителей и связанных с ними ядерных боеголовок. Вскоре после этого, 3 января 1993 г., был заключен следующий договор – СНВ-2: он представлял собой дальнейшее развитие растущей сети согласованных ограничений, регулирующих ядерные возможности, вводя важное количественное ограничение – запрет на использование ракет с разделяющейся головной частью индивидуального наведения⁴², которые считались потенциально дестабилизирующими, так как они

⁴⁰ Краткое изложение основных моментов содержится в работе: The Presidential Nuclear Initiatives (PNIs) on Tactical Nuclear Weapons at a Glance. Washington, D.C.: Arms Control Association, July 2017. Available at: <https://www.armscontrol.org/factsheets/pniglance>.

⁴¹ Sokov N., Potter W. The Presidential Nuclear Initiatives, 1991–1992: An Assessment of Past Performance and Future Relevance. Policy Brief No. 21. Tokyo, Japan: Toda Peace Institute, 2018. P. 2.

⁴² По СНВ-2 запрещались МБР с РГЧ наземного, но не морского базирования. (Замечание переводчика.)

расширяли возможности для нападения и в то же время являлись привлекательной мишенью.

Этот этап надежды и прогресса достиг своего расцвета в середине 90-х годов, ярко раскрывшись на фоне одного исторического события и абсолютно нового видения. Историческим событием стало бессрочное продление ДНЯО в 1995 г. 25-летний срок действия договора подходил к концу, и Конференция по рассмотрению и продлению ДНЯО должна была решить – прекращать или продлевать его действие, и если продлевать, то на фиксированный срок или бессрочно. Не было никакой гарантии, что магия, позволившая вести переговоры о договоре в конце 60-х годов, сохранится в 1995 г., и было достаточно показателей (в том числе на предыдущих конференциях ДНЯО) недовольства договором. В связи с этим перед конференцией 1995 г. существовали серьезные опасения, что конференция закончится разочарованием. Например, Джордж Банн, один из ведущих экспертов по нераспространению, предупреждал, что «препятствия для обеспечения продления договора на долгий срок весьма серьезны...»⁴³. США, со своей стороны, приложили значительные дипломатические усилия, чтобы заручиться поддержкой в пользу продления ДНЯО на длительный срок, поскольку понимали, что «многие члены ДНЯО не готовы выступить за бессрочное продление договора»⁴⁴. В ходе самой Конференции 1995 г. был выдвинут ряд альтернативных вариантов продления, включая: однократное продление на фиксированный срок, серию продлений на фиксированный срок, а также продление, увязанное с условием достижения государствами, обладающими ядерным оружием, более значительного и осязаемого прогресса в деле разоружения. Однако в итоге 11 мая 1995 г. Конференция завершилась бессрочным продлением ДНЯО, создав таким образом постоянную правовую основу режима нераспространения ядерного оружия⁴⁵. Такой исход был воспринят как крупная победа. Прекращения действия ДНЯО удалось избежать, и режим ДНЯО вступил в «новую эру»⁴⁶. Некоторые проблемы нераспространения, конечно, сохранились, как продолжились и попытки усовершенствования режима, но та компонента договора, которая касалась нераспространения, как это казалось, была достаточно хорошо закреплена

⁴³ Bunn G. The NPT and Options for its Extension in 1995. *The Nonproliferation Review*, 1994. P. 58. Available at: <https://www.nonproliferation.org/wp-content/uploads/npr/bunn12.pdf> (accessed 04.12.2020).

⁴⁴ Ottaway D., Coll S. A Hard Sell for Treaty Renewal. *The Washington Post*, 14.04.1995. Авторы статьи кратко рассказывают о кампании в поддержку ДНЯО под руководством посла США Тома Грэма.

⁴⁵ Более детальное описание трудностей и противоречий на Конференции ДНЯО в 1995 году можно найти в обзоре Johnson R. *Indefinite Extension of the Nonproliferation Treaty: Risks and Reckonings*. ACRONYM Report No. 7, The ACRONYM Institute, 1995.

⁴⁶ Цит. по: Rauf T., Johnson R. After the NPT's Indefinite Extension: The Future of the Global Nonproliferation Regime. *The Nonproliferation Review*, 1995. P. 28. Available at: <https://www.nonproliferation.org/wp-content/uploads/npr/raufjo31.pdf> (accessed 04.12.2020).

в результате бессрочного продления договора. Более того, обсуждения ДНЯО дали толчок переговорам по ядерным испытаниям, к чему государства – участники ДНЯО, не обладающие ядерным оружием, подталкивали ядерные державы с целью предпринимать существенные шаги по разоружению в соответствии со статьей VI ДНЯО. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) был подписан в сентябре 1996 г.

За этим выдающимся шагом в области нераспространения вскоре последовало появление принципиально нового видения прогресса в области контроля над стратегическими вооружениями. На саммите в Хельсинки в марте 1997 г. президенты Клинтон и Ельцин согласовали структуру предстоящих переговоров по СНВ-3, которая выходила далеко за рамки ранее достигнутых договоренностей⁴⁷. Рамочное соглашение Клинтона-Ельцина не только предусматривала дальнейшее существенное сокращение ядерных арсеналов, но и впервые непосредственно затрагивала боеголовки и ядерные материалы (в противовес предшествующим соглашениям, в которых основное внимание уделялось их носителям). В ходе переговоров предстояло, опять же впервые, обсудить ограничения тактических и стратегических ядерных вооружений и носителей, таких как крылатые ракеты морского базирования на подводных лодках (КРМБ), исключенных из предыдущих соглашений. Основное внимание было уделено усилиям добиться необратимости сокращения вооружений через создание совместной прозрачной программы по демонтажу боеголовок, снятых с боевого дежурства, а также обеспечению защиты ядерных материалов, извлеченных в процессе демонтажа, и контроля за ними. Клинтон и Ельцин поставили перед собой целью создание постоянного режима контроля над ядерными вооружениями. Параметры переговоров, согласованные двумя президентами на саммите в Хельсинки, были нацелены на создание всеобъемлющего, основанного на сотрудничестве, в высшей степени прозрачного, постоянного, основанного на соглашениях режима управления ядерным взаимодействием между США и Россией⁴⁸. Если встреча Рейгана и Горбачева на саммите в Рейкьявике стала кульминационной точкой контроля над вооружениями периода холодной войны с точки зрения амбициозности решаемых задач, то саммит Клинтона-Ельцина в Хельсинки – высшей точкой контроля над вооружениями периода после холодной войны. Соглашение, основанное на хельсинкских параметрах, стало бы беспрецедентным по амбициозности и масштабам трансформации.

⁴⁷ Параметры договоренностей в Хельсинки приводятся в статье: Joint Statement of Parameters on Future Reductions in Nuclear Forces, 1997. Available at: <https://www.armscontrol.org/act/1997-03/features/joint-statements-helsinki-summit> (accessed 04.12.2020).

⁴⁸ Более подробно элементы режима приведены в статье Стивена Миллера: Miller S. *A Comprehensive Approach to Nuclear Arms Control* in *Arms Control and Disarmament: A New Conceptual Approach*. DDA Occasional Paper, No. 4. New York: UN Department of Disarmament Affairs, 2000, pp. 16–33.

В конечном итоге, двенадцать плодотворных лет, начиная с конца холодной войны и до наступления эпохи после холодной войны, от Рейкьявика 1986 г. до Хельсинки 1997 г., стали годами впечатляющего прогресса в области контроля над вооружениями в самых разных направлениях. Переговоры были трудными, продвижение вперед часто давалось огромными усилиями, по-прежнему происходило столкновение интересов, соперничество и антагонизм между странами сохранялись, договоренности неизменно становились объектом критики и сопротивления, велись и иногда проигрывались политические баталии. Этот процесс не был стабильным и непрерывным. Тем не менее, в целом, к концу 90-х годов многое было достигнуто: для решения ядерных проблем была создана обширная нормативная инфраструктура, основанная на договорах, и налицо был импульс в направлении более тесного сотрудничества и дополнительных ограничений.

Прилив обращается вспять, 2000–2018 гг.: эрозия ядерного порядка

На сегодняшний день ясно, что в первой половине ядерной эры происходила медленная и неравномерная, но масштабная эволюция от напряженной и нерегулируемой конкуренции к все более регулируемой, совместно управляемой ядерной среде, в которой ядерные арсеналы были ограничены соглашением, а распространение ядерного оружия было запрещено согласованным режимом, основанном на бессрочном договоре, налагающем на участников юридические обязательства. Нерегулируемый этап был отмечен медленным, но постоянным увеличением количества государств, обладающих ядерным оружием, чрезмерным накоплением вооружений у двух главных игроков, распространением ядерного оружия на разные виды вооруженных сил соперничающих сверхдержав, постоянным страхом, что нестабильность может подорвать ядерное сдерживание, а также пугающими и рискованными дипломатическими и военными столкновениями, которые повышали риск применения ядерного оружия. Для того чтобы узнать, как мог бы выглядеть нерегулируемый мировой ядерный порядок – мир без контроля над вооружениями, – не нужно далеко ходить, ведь первые 25 лет после окончания Второй мировой войны дали нам яркое представление о таком мире.

Все более регулируемая фаза процесса, напротив, постепенно выстроила мировой ядерный порядок, в котором ДНЯО получил почти всеобщее признание; связанный с ним режим постепенно совершенствовался; идея нераспространения стала нормой – распространение ядерного оружия среди большой группы стран удалось избежать. Параллельно с этим, арсеналы супердержав были резко сокращены; многие виды тактических вооружений были сняты с боевого дежурства; качественные ограничения наложили ограничения на процесс модернизации; благодаря достигнутым договоренностям, количество развернутых систем

противоракетной обороны стало близко к незначительному; ядерный диалог был устойчивым и по сути институционализированным, а ядерные отношения между Вашингтоном и Москвой стали впечатляющим примером беспрецедентного сотрудничества. В первые годы после окончания холодной войны, когда прошлый антагонизм отошел в историю, а ранее невообразимый уровень сотрудничества стал реальностью, казалось, что движение в направлении жестко регулируемого и совместно управляемого ядерного порядка будет продолжаться и укрепляться.

А затем ветер переменился. Можно даже назвать момент, в который, предположительно, события начали развиваться в тревожном направлении. В мае 1998 г. Индия провела ряд ядерных испытаний, что свидетельствовало о начале осуществления ею открытой программы по разработке ядерного оружия⁴⁹. В течение нескольких недель Пакистан отреагировал на этот шаг, осуществив собственные ядерные испытания. Две крупные державы Южной Азии показали стремление перевести свои непростые отношения, полные конфликтов, в ядерную плоскость⁵⁰. Впервые с того времени, как Китай осуществил свое первое ядерное испытание в октябре 1964 г., норма нераспространения была нарушена таким грубым образом⁵¹. Следующий поворотный момент настал в следующем году: в октябре 1999 г. Сенат США не одобрил ДВЗЯИ, и до сегодняшнего дня договор так и остается нератифицированным США. Это многостороннее соглашение, которое на момент подписания в 1996 г. было воспринято как прорыв и знак значительного прогресса, не может вступить в силу до тех пор, пока США, наряду с некоторыми другими странами, официально не примут договор, таким образом оставаясь в подвешенном состоянии. Прогресс, достигнутый благодаря бессрочному продлению ДНЯО и подписанию ДВЗЯИ, вскоре сошел на нет.

Эти проблемы нераспространения усугубились в 1998 г. в результате драматической потери импульса, задаваемого контролем над стратегическими вооружениями. В условиях, когда Клинтон оказался втянут в скандал и процедуру импичмента, Россия боролась с тяжелым экономическим кризисом, а отношения между Вашингтоном и Москвой становились все более сложными из-за расширения НАТО, балканских кризисов и других источников напряженности, контроль над стратегическими вооружениями отошел на второй план.

⁴⁹ Взгляд современника на проблему можно найти в статье Джона Бернса: Burns J. India Sets Three Nuclear Blasts, Defying a Worldwide Ban; Tests Bring a Sharp Outcry. *The New York Times*, 12.05.1998.

⁵⁰ Последующая оценка воздействия испытаний 1998 года приведена в эссе Майкла Крепона: Krepou M. Looking Back: The 1998 Indian and Pakistani Nuclear Tests. *Arms Control Today*, 2008. Available at: <https://www.armscontrol.org/act/2008-06/looking-back-1998-indian-pakistani-nuclear-tests> (accessed 04.12.2020).

⁵¹ Предположительные ядерные мощности Израиля разрабатывались скрыто и никогда не признавались правительством страны. Аналогичным образом наличие ядерного оружия у ЮАР держалось в тайне, и в итоге ЮАР от него отказалась. Ни одна из этих стран не демонстрировала открытого интереса к ядерному оружию.

Переговоры по СНВ-3 так и не начались, а амбициозный план, родившийся в Хельсинки, так и не перерос в реальное соглашение по регулированию ядерных сил России и США. В результате президентских выборов США 2000 г. к власти пришла администрация, которая рассматривала существующую инфраструктуру контроля над вооружениями как «пережиток» холодной войны и хотела избавиться от ограничений, наложенных соглашениями о контроле над вооружениями. Администрация Буша была более склонна к отказу от существующих договоренностей, чем к созданию более разветвленной сети ограничений⁵².

Переговоры по СНВ-3 так и не начались, а амбициозный план, родившийся в Хельсинки, так и не перерос в реальное соглашение по регулированию ядерных сил России и США

Спустя два десятилетия после события 1998 г. выглядят как начало долгого периода, в котором трудности, неудачи и тревожные тенденции перевешивали редкие удачи в вопросе стабильности и управления глобальным ядерным порядком. Разумеется, нельзя сказать, что ситуация была совершенно безнадежной. Были заключены два новых договора с Россией по контролю над стратегическими вооружениями – Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП) от 2002 г. и Договор СНВ-3 (ДСНВ) от 2010 г. Несмотря на скромность амбиций по сравнению с концом 90-х годов, эти соглашения помогли сохранить ядерное сотрудничество между Москвой и Вашингтоном, достигнутое в результате переговоров. Был принят беспрецедентный Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), призванный ограничить иранскую ядерную программу и способствовать снятию опасений относительно возможного приобретения Ираном ядерного оружия (из которого, правда, США вышли в 2018 г. по решению президента Трампа). Режим ДНЯО был существенно улучшен, в том числе благодаря принятию Дополнительного протокола, усилившего систему гарантий и усовершенствований системы экспортного контроля с целью сдерживания распространения связанных с ядерным оружием технологий. Тем не менее, сегодня глобальный ядерный порядок радикально отличается и вызывает большую обеспокоенность относительно своего состояния, чем представлялось двадцать лет назад. Изменение траектории развития ядерного порядка было продиктовано несколькими тенденциями и событиями.

⁵² Детальный анализ перемен в политике контроля над вооружениями, которую проводила администрация Буша, см. в эссе Стивена Миллера: Miller S. *Skepticism Triumphant: The Bush Administration and the Waning of Arms Control* in Hans J. Giessmann, Roman Kuzniar, and Zdzislaw Lachowski, eds., *International Security in a Time of Change: Threats, Concepts, Institutions*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2004, pp. 15–40. Положительный взгляд на политику Буша в отношении контроля над вооружениями и подробное описание смены вектора приведен в эссе Кристофера Форда: Ford C. *A New Paradigm: Shattering Obsolete Thinking on Arms Control and Nonproliferation*. *Arms Control Today*, 2008. Available at: <https://www.armscontrol.org/act/2008-11/features/new-paradigm-shattering-obsolete-thinking-arms-control-nonproliferation> (accessed 04.12.2020).

Возвращение соперничества великих держав

Политические отношения основных игроков стали более противоречивыми и потенциально более конфронтационными. Очень быстро отношения между США и Россией стали более враждебными и заставили вновь задуматься о ядерных угрозах и рисках времен холодной войны, хотя и в условиях абсолютно другого и более сложного международного контекста⁵³. Ожидания, что «стратегическое партнерство» США и России позволит обеспечить устойчивое и беспрецедентное сотрудничество в ядерной области, полностью провалились. В то же время исключительный рост Китая в последние десятилетия, усиление его влияния и напористость резко повысили значимость отношений между Китаем и США. Этим двум государствам, похоже, суждено стать главными соперниками на международной арене в ближайшие десятилетия, и потенциал для их антагонизма и конфронтации вполне реален, о чем свидетельствуют бурлящие в США дебаты о вероятности войны с Китаем⁵⁴. Все три государства намерены придерживаться существенных долгосрочных программ ядерной модернизации, которые, безусловно, будут оказывать влияние друг на друга: в случаях с США и Россией страны сохраняют приверженность доктринам, унаследованным от времен холодной войны. Уже можно увидеть признаки конкуренции и напряженности между тремя странами. Например, в Обзоре ядерной политики США 2018 г. особо выделено усиление соперничества супердержав, усиление влияния и напористость России и Китая как ключевые факторы, формирующие американскую ядерную политику, и как основные причины амбициозной и чрезвычайно дорогой программы ядерной модернизации Вашингтона⁵⁵. Ядерное оружие сегодня занимает важное место в политике безопасности этих государств, и действительно, после отхода на второй план после окончания холодной войны, ядерное оружие было «вновь узаконено»⁵⁶. В сравнении с 1991 г., в настоящее время наблюдается несоизмеримо менее благоприятная и обнадеживающая среда отношений наиболее сильных ядерных держав. Это является одним из фундаментальных факторов, меняющих глобальный ядерный порядок.

⁵³ См., например: Legvold R. *The Challenges of a Multipolar Nuclear World in a Shifting International Context* in Miller, Legvold, and Freedman, *Meeting the Challenges of the New Nuclear Age*. 2019, American Academy of Arts and Sciences. Available at: https://www.amacad.org/sites/default/files/publication/downloads/2019_New-Nuclear-Age_Changing-Global-Order.pdf (accessed 04.12.2020).

⁵⁴ См., например: Allison G. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2017. 389 p.

⁵⁵ U.S. Department of Defense, *Nuclear Posture Review*, February 2018, pp. 6–7.

⁵⁶ Цит. по: Tannenwald N. How Strong is the Nuclear Taboo Today? *The Washington Quarterly*, 2018, vol. 43, no. 3. P. 90.

Распространение ядерного оружия приводит к формированию региональных балансов ядерных сил

Появление трех новых ядерных держав с 1998 г. привело к формированию региональных противовесов ядерных сил в Северо-Восточной и Южной Азии, которые раньше не существовали. Наличие ядерного оружия в руках мало предсказуемого северокорейского режима и присутствие ядерного оружия в напряженных и потенциально конфликтных отношениях между Индией и Пакистаном породили ряд новых рисков, угроз и источников потенциальной нестабильности. Нет оснований полагать, что региональная ядерная динамика будет иметь черты, которые характеризовали двусторонние отношения двух ядерных супердержав, и нет причин быть уверенным, что более чем 70-летняя история сохранения ядерного мира супердержавами легко перенесется на региональную почву⁵⁷.

Многосторонняя ядерная динамика

Подъем Китая и появление расширения «ядерного клуба» придали системе взаимоотношений сдерживания многосторонний характер. В отличие от ситуации, когда в центре внимания были двусторонние отношения, все большее внимание сейчас получают трехсторонние отношения. США, Россия и Китай, очевидно, будут все чаще будут оказываться втянуты в трехсторонние взаимоотношения в ядерной области. Это ясно видно из настойчивой риторики администрации Трампа, что будущее контроля над вооружениями зависит от участия Китая, несмотря на решительное заявление Пекина, что тот не заинтересован участвовать в этом⁵⁸. В то же время Китай является неотъемлемой частью второго треугольника взаимоотношений (с Индией и Пакистаном) – «трилеммы», которая характеризуется как «нестабильная по своей природе»⁵⁹. Северная Корея вовлечена в сложное ядерное

Насколько адекватны и эффективны прошлые концепции и практики в этих новых условиях? Будет ли работать контроль над вооружениями в многосторонней среде? Как безопасно действовать в этой усложнившейся ситуации?

⁵⁷ О региональной ядерной динамике см.: Narang V. *Nuclear Strategy in the Modern Era: Regional Powers and International Conflict*. Princeton: Princeton University Press, 2014. 356 p. У Джеффри Льюиса есть написанное в художественной манере гипотетическое исследование того, как региональная нестабильность может привести к ядерной войне – Lewis L. *The 2020 Commission Report on the North Korean Nuclear Attacks Against the United States*. New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2018. 306 p. Примечательно, что важные элементы знаменитого объяснения Джона Гаддиса о «долгом перемирии» между США и СССР отсутствуют в региональной инфраструктуре. См.: Gaddis J. *The Long Peace: Elements of Stability in the Post-War International System*. *International Security*, 1986, vol. 10, no. 4, pp. 99–142.

⁵⁸ См, например: Gramer R., Detsch J. Trump Fixates on China as Nuclear Arms Pact Nears Expiration. *Foreign Policy*, 29.04.2020; Farley R. Will Trump's Arms Control Dreams for China Come True? Absolutely Not. *The Diplomat*, 5.06.2020.

⁵⁹ Koblentz G. *Strategic Stability in the Second Nuclear Age*. P. 30.

взаимодействие с США, но географически расположена в регионе, где традиционно основными игроками являются Китай и Россия. Соответственно, сообщество, занимающееся вопросами стратегического ядерного планирования, больше не может ставить российско-американское взаимодействие в ядерной области во главу угла. Сложные вопросы требуют ответа. Насколько адекватны и эффективны прошлые концепции и практики в этих новых условиях? Будет ли работать контроль над вооружениями в многосторонней среде? Как безопасно действовать в этой усложнившейся ситуации?

Ухудшение положения в области контроля над вооружениями

В то время как возникают новые вызовы, регуляторная среда ослабевает до такой степени, что эксперты в области контроля над вооружениями, обладающие многолетним опытом, предполагают, что эпоха контроля над вооружениями, основанного на договорной базе, подходит к концу.⁶⁰ «Если считать, что с окончанием холодной войны между основными ядерными державами наступил относительный мир», – писал опытный участник переговоров по контролю над вооружениями Джеймс Гудби в 2001 г., – «мы должны спросить себя – сможет ли контроль над вооружениями пережить эти мирные времена?» Его печальный ответ: «Возможно, нет»⁶¹. Многие из того, что произошло в последующие годы подтверждает его пессимизм. «Режим контроля над вооружениями находится под угрозой», – пишет Юджин Румер⁶².

Одним из первых, а также наиболее знаменательных шагов отказа от системы контроля над вооружениями стал выход США из ДПРО в 2002 г. Этот шаг уничтожил то, что считалось важнейшей опорой контроля над стратегическими вооружениями и открыло возможности для повторного проявления динамики наступательных и оборонных вооружений, вызывавшие значительные опасения в ранние годы атомной эры. Развертывание противоракетной обороны остается небольшим по масштабу и ограниченным по эффективности, поэтому динамика гонки вооружений еще не должна активно действовать. Тем не менее, есть уже

⁶⁰ См.: Arbatov A. *An Unnoticed Crisis: The End of History for Nuclear Arms Control?* Moscow: Carnegie Moscow Center, 2015. Available at: <https://carnegie.ru/2015/06/16/unnoticed-crisis-end-of-history-for-nuclear-arms-control-pub-60408> (accessed 04.12.2020); Brooks L. *After the End of Bilateral Nuclear Arms Control*. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, 2017. Available at <https://nuclearnetwork.csis.org/end-bilateral-nuclear-arms-control/> (accessed 04.12.2020), где Брукс предсказывает неминуемый крах российско-американского контроля над вооружениями.

⁶¹ Goodby J. *Major Powers and Arms Control: A US Perspective* in Anthony and Rotfeld, eds., *A Future Arms Control Agenda*. P. 68. Available at: <https://www.sipri.org/sites/default/files/books/SIPRI01AnRo/SIPRI01AnRo.pdf> (accessed 04.12.2020).

⁶² Rumer E. *A Farewell to Arms... Control*. Carnegie Endowment for International Peace, 2018. Available at: <https://carnegieendowment.org/2018/04/17/farewell-to-arms-...-control-pub-76088> (accessed 04.12.2020).

появились признаки того, что программа противоракетной обороны США начала оказывать огромное влияние на расчеты других стран. Так, 1 марта 2018 г. Президент РФ Владимир Путин выступил с речью, в которой он открыто назвал политику противоракетной обороны США одним из движущих факторов российской ядерной модернизации:

Теперь о главном в этой части, в разделе «Оборона». Речь пойдёт о новейших системах российского стратегического оружия, создаваемых нами в ответ на односторонний выход США из Договора по противоракетной обороне и практическое развёртывание этой системы как на территории США, так и за пределами их национальных границ... при реализации планов по строительству системы глобальной ПРО, которое продолжается и сейчас, все договорённости в рамках СНВ-3 постепенно девальвируются, потому что при сокращении носителей и боезарядов одновременно и бесконтрольно одной из сторон, а именно США, наращивается количество противоракет, улучшаются их качественные характеристики, создаются новые позиционные районы, что в конечном итоге, если мы ничего не будем делать, приведёт к полному обесцениванию российского ядерного потенциала. Ну просто он будет весь перехватываться, вот и всё⁶³.

Далее Путин перешел к перечислению программ по разработке новых видов ядерных вооружений, некоторые из которых были довольно долгосрочными и по его словам, предназначались для нейтрализации усилий США в области противоракетной обороны. Также очевидны опасения Китая по поводу противоракетной обороны США, особенно (но не только) в отношении ее объектов, размещенных в Северо-Восточной Азии⁶⁴. В частности, президент Китая Си Цзиньпин заявил, что американская программа противоракетной обороны оказывает «серьезное негативное влияние на глобальный и региональный стратегический баланс, безопасность и стабильность»⁶⁵. Однако проблема не исчерпывается обеспокоенностью России и Китая относительно противоракетной обороны США: Москва и Пекин работают над разработкой собственных противоракетных систем, которые могут обеспокоить уже американские политические силы⁶⁶. Ясно, что существует потенциал для возрождения

⁶³ Послание Президента Федеральному собранию. 01.03.2018. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed 04.12.2020).

⁶⁴ См., например: Riqiang W. China's Anxiety About US Missile Defense: A Solution. *Survival*, 2013, vol. 55, no. 5, pp. 29–52.

⁶⁵ Цит. по: Zhao T. *Narrowing the U.S.-China Gap on Missile Defense: How to Help Forestall a Nuclear Arms Race*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2020. P 6.

⁶⁶ См. в качестве примера: Riback C. Russia Missile Defense Worries US. *Roll Call*, 08.10.2018; Panda A. China and the United States Worry About Each Other Missile Defense Intentions—So Why Not Talk? *The Diplomat*, 04.03.2018. Мнения касательно последствий

Ясно, что существует потенциал для возрождения конкуренции наступательных и оборонительных вооружений и может быть непросто удерживать количество наступательных вооружений на минимальном уровне в условиях строительства значимых систем противоракетной обороны

конкуренции наступательных и оборонительных вооружений и может быть непросто удерживать количество наступательных вооружений на минимальном уровне в условиях строительства значимых систем противоракетной обороны; таким образом, конец ограничений для средств противоракетной обороны может подорвать усилия по сдерживанию наступательных вооружений.

Отказ от ДПРО имел еще одно существенное последствие. 14 июня 2002 г. – на следующий день после выхода США из ДПРО – Россия вышла из Договора СНВ-2. Москва не желала следовать ограничениям СНВ-2, если ей предстояло соперничать с системой противоракетной обороны США. Конец

СНВ-2 с его важным ограничением модернизации означал провал усилий по исключению ракет с разделяющимися головными частями из стратегических расчетов двух крупнейших ядерных держав. Таким образом, выход США из ДПРО нанес двойной удар по контролю над вооружениями. Долгосрочные последствия могут быть огромными, если регуляторная структура, управляющая оборонительными вооружениями, продолжит ослабевать, поскольку это означает существенный шаг назад к нерегулируемому ядерному миру.

Прекращение действия ДПРО может стать самым значительным изменением в области контроля над вооружениями за последние два десятилетия, но есть и другие причины для беспокойства: разрушается с трудом завоеванная и создаваемая десятилетиями нормативно-правовая база. Программа совместного уменьшения угрозы, которая на протяжении 20 лет способствовала тесному сотрудничеству с российским ядерным комплексом, была полностью прекращена в 2012 г., пав жертвой усиливающихся противоречий в российско-американских отношениях⁶⁷. Договор РСМД последние годы находится в серьезной опасности в результате спора о соответствии условиям договора новых российских систем, а также из-за растущего интереса США к развертыванию РСМД в Тихом океане, чтобы компенсировать растущие возможности Китая. В октябре 2018 г. администрация Трампа объявила о намерении выйти из Договора РСМД, а 2 августа 2019 г. США официально из него вышли⁶⁸.

развертывания объектов противоракетной обороны несколькими странами см.: Ferguson C., MacDonald B. *Nuclear Dynamics in a Multiple Strategic Ballistic Missile Defense World*. Washington, D.C.: Federation of American Scientists, 2017. Available at: <https://fas.org/wp-content/uploads/media/Nuclear-Dynamics-In-A-Multipolar-Strategic-Ballistic-Missile-Defense-World.pdf> (accessed 04.12.2020).

⁶⁷ См.: Herszenhorn D. Russia Won't Renew Pact on Weapons with U.S. *The New York Times*, 10.10. 2012.

⁶⁸ См.: Bugos S. U.S. Completes INF Treaty Withdrawal. *Arms Control Today*, 2019. Available at: <https://www.armscontrol.org/act/2019-09/news/us-completes-inf-treaty-withdrawal>

Кроме того, после отказа от участия в Договоре о РСМД в фокусе внимания администрации Трампа оказался Договор по открытому небу. Изначально предложенный Президентом Эйзенхауэром в 1955 г. и подписанный Президентом Джорджем Бушем-старшим в марте 1992 г., Договор по открытому небу способствовал прозрачности: по его условиям страны разрешали полеты над своей территорией, и собранная информация передавалась всем сторонам-подписантам. Ссылаясь на постоянные жалобы на несоблюдение Россией обязательств, госсекретарь Помпео объявил в мае 2020 г., что США намерены выйти из договора, несмотря на протесты европейских союзников НАТО, которые по-прежнему ценят договор⁶⁹.

Не лучше обстоят дела и с контролем над стратегическими вооружениями. Около сорока лет начиная с 60-х годов он находился в центре усилий по ограничению ядерных вооружений, и этот переговорный процесс был центральным элементом в отношениях Вашингтона и Москвы. Однако, за исключением 15 месяцев в начале правления администрации Обамы, когда обсуждался договор СНВ-3, процесс контроля над стратегическими вооружениями застопорился, и постоянный институциональный диалог по ядерным вопросам исчез. В отличие от кропотливо согласовывавшихся предыдущих договоров, московский договор 2002 г. Единственное остающееся ограничение в отношении ядерных сил США и России, Договор СНВ 2010 г., является важным соглашением, но и оно находилось под угрозой. Срок действия ДСНВ истекал 5 февраля 2021 г., и во время администрации Трампа не было никаких шагов для переговоров о последующем соглашении. ДСНВ включает положение, позволяющее продлить его на пять лет, но президент Трамп, как сообщалось, не был заинтересован в таком продлении и оставил свой пост, не сделав этого. Если бы Трамп был переизбран, то возможно, или даже вероятно, срок действия ДСНВ истек бы. Для администрации Трампа это стало бы еще одним важным шагом в существенном разрушении того, что оставалось от контроля над ядерными вооружениями, и это положило бы конец почти полувековой истории контроля над стратегическими вооружениями. Однако с приходом администрации Байдена американская позиция немедленно изменилась, и в качестве одного из первых своих действий Байден согласился с предложением Москвы продлить ДСНВ, сохранив существующую правовую базу на пять лет и оставив время для переговоров по новому соглашению. Хотя договор сохранился, никто не станет утверждать, что контроль над стратегическими вооружениями

(accessed 04.12.2020); Miller S. *Ideology Over Interests? Trump's Costly INF Decision*, Bulletin of the Atomic Scientists, 2018. Available at; <https://thebulletin.org/2018/10/ideology-over-interest-trumps-costly-inf-decision/> (accessed 04.12.2020); Seligman L., Gramer R. What Does the Demise of the INF Treaty Mean for Nuclear Arms Control, *Foreign Policy*, 02.08.2019.

⁶⁹ Sanger D. Trump Will Withdraw from Open Skies Arms Control Treaty. *The New York Times*, 21.05. 2020. См. также: Reif K., Bugos S. U.S. to Withdraw from Open Skies Treaty. *Arms Control Today*, May 2020.

находится в хорошем состоянии – мало что осталось от инфраструктуры контроля над вооружениями, которая создавалась на протяжении нескольких десятилетий, отсутствует импульс к новому соглашению, практически ничего не осталось от процесса, который привел к заключению прошлых соглашений, контроль над вооружениями был дискредитирован во многих глазах, а сложные существенные вопросы заполняют повестку дня по мере изменения технологий и усложнения мира. Как отмечают Николай Соков и Уильям Поттер, «ткань российско-американского сокращения ядерных вооружений расплывается»⁷⁰. Администрация Трампа подчеркнула эту тенденцию: например, она заключила в «Обзоре ядерной политики», что контроль над вооружениями исчерпал себя в современных международных условиях и что «трудно представить себе его дальнейшее развитие»⁷¹.

Российско-американский контроль над ядерным оружием может пошатнуться, но еще более поразителен тот факт, что семь других ядерных арсеналов мира, некоторые из которых стабильно растут, не регулируются каким-либо ограничивающим соглашением. Тем временем, в области нераспространения появление трех новых ядерных держав, каждая из которых работает над расширением своего ядерного арсенала, подорвало уверенность в прочности нормы нераспространения. Затянувшиеся и так и не разрешившиеся полностью кризисы с участием Ирана и Северной Кореи подняли волну критики эффективности режима ДНЯО. Может ли сдерживание работать в долгосрочной перспективе, когда, кажется, решительные государства – в первую очередь Северная Корея – могут получить ядерное оружие, если действительно захотят? Как долго еще режим нераспространения сможет сдерживать напор возможных ядерных устремлений? История ядерной эры предполагает, что успех возможен, но скептики опасаются, что эта тенденция долго не продержится. «Нераспространение умирает?» – такой вопрос поместил недавно на своей обложке журнал «The Washington Quarterly»⁷².

Коротко говоря, инструменты контроля над вооружениями, управляющие ядерным оружием, не только не усилились на базе опыта последних десятилетий, но напротив, заброшены, ослаблены или поставлены под угрозу. Тенденция к более широким ограничениям и тесному

⁷⁰ Sokov N., Potter W. *The Presidential Nuclear Initiatives, 1991–1992*. P. 1. Также предрекают конец российско-американского контроля над вооружениями Уильям Кэплэн: Caplan W. *Nuclear Stability in a Post-Arms Control World. New Perspectives in Foreign Policy*, 2017, vol. 1. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, pp. 18–27; и Ульрих Кюн: Kuhn U. *Nuclear Arms Control Shaken by New Instability*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2018. Available at: <https://carnegieendowment.org/2018/06/12/nuclear-arms-control-shaken-by-new-instability-pub-76593> (accessed 04.12.2020).

⁷¹ Взгляды администрации Трампа на контроль над вооружениями описаны у Стивена Миллера: Miller S. *Nuclear Battleground: Debating the US 2018 Nuclear Posture Review*. Policy Brief No. 16. Tokyo, Japan: Toda Peace Institute, 2018, pp. 11–13.

⁷² См. *The Washington Quarterly*, 2013, vol. 36, no. 2.

сотрудничеству во многом обращена вспять. Это значит, что будущий ядерный порядок может быть менее регулируемым и более конкурентным. Насколько это важно? Контроль над вооружениями никогда не был панацеей и не исключал ни геополитического соперничества, ни жесткой конкуренции вооружений. В самом деле, скептики сомневаются в пользе самого предприятия по контролю над вооружениями. Например, Брендан Грин пишет, что контроль над стратегическими вооружениями «достиг каких-то ограничений лишь в отношении очень больших цифр» и сравнивает контроль над вооружениями периода холодной войны как «широко популярное шоу ни о чем»⁷³. Однако признание ограниченности контроля над вооружениями не отменяет ни разницы между регулируемой и нерегулируемой ядерной средой, ни разницы между будущим более предсказуемым в результате ограничений и будущим неопределенным и потенциально более угрожающим в условиях ничем не ограниченной среды.

Представление о том, что конкуренция, связанная согласованными правилами, предпочтительнее широкого и открытого соперничества, в основном утратило свою политическую и регулируемую силу, что нашло отражение в упадке большей части архитектуры контроля над вооружениями, созданной за десятилетия напряженных переговоров. Это еще одна радикальная перемена в сути ядерного порядка, которая возвращает нас в опасный мир первых десятилетий ядерной эры.

Страдает ли стабильность в результате технологического прогресса?

Опасения, что ядерные силы страны могут стать уязвимыми для первого удара противника, были неизменной чертой ядерной эры, несмотря на широко распространенное мнение времен расцвета холодной войны, что масштабные, избыточные, защищенные или скрытые возможности достаточны для поддержания стабильных сдерживающих отношений⁷⁴. Но уже существуют или появляются технологии, которые могут подорвать, и возможно существенно, стабильность, какой бы она ни была. Прогресс в области наблюдения, точности, летальности, искусственного интеллекта и кибернетических возможностей способен значительно ослабить уверенность в живучести сил сдерживания⁷⁵. Например,

⁷³ Green B. *The Revolution that Failed: Nuclear Competition, Arms Control, and the Cold War*, pp. 34.

⁷⁴ Недавние исследования, впрочем, предполагают, что силы, особенно советские, возможно, были более уязвимыми, а сдерживание более хрупким, чем считалось в то время. См., например: Long A., Green B. *Stalking the Secure Second Strike: Intelligence, Counterforce, and Nuclear Strategy*. *Journal of Strategic Studies*, 2015, vol. 38, no. 1–2, pp. 38–73.

⁷⁵ Подробный анализ с неутешительными выводами содержится в эссе Кира Либера и Дэрила Пресса: Lieber K., Press D. *The New Era of Counterforce: Technological Change and the Future of Nuclear Deterrence*, *International Security*, 2017, vol. 41, no.4, pp. 9–49.

Прогресс в области наблюдения, точности, летальности, искусственного интеллекта и кибернетических возможностей способен значительно ослабить уверенность в живучести сил сдерживания

Нет никаких сомнений, что мир уязвимых наступательных вооружений, более эффективной противоракетной обороны, более смертоносного обычного оружия, а также мир, полный опасений в отношении кибернетической уязвимости будет более опасным и более нестабильным

растущая прозрачность военной среды может сделать подводные лодки более уязвимыми, тем самым подрывая фактор, который ранее считался надежным гарантом сдерживания. Оружие наземного базирования, включая мобильные ракеты, может становиться все более уязвимым для атак, так как технологическое совершенствование наблюдения позволяет получать точную информацию для наведения в режиме реального времени для высокоэффективного удара. Прогресс в ряде технологий –

от повышения точности до обработки данных – увеличил потенциал эффективности противоракетной обороны. Кроме того, современные технологии позволяют использовать усовершенствованные обычные виды вооружений против стратегических целей, а также объектов ядерного управления и контроля, потенциально стирая границы между обычной и ядерной войной и, возможно, создавая риски эскалации и давления в пользу непродуманных действий в условиях обычного конфликта⁷⁶. Дополнительный уровень потенциальной угрозы и уязвимости появился с развитием кибернетических возможностей, которые повышают вероятность кибератаки на объекты ядерного управления и контроля и, в результате, нарушения их функционирования⁷⁷. Вопрос, как далеко зайдут эти технологические тенденции и насколько они пошатнут уверенность в сдерживании, все еще обсуждается. Ядерные державы будут очень заинтересованы в поиске контрмер, чтобы сохранить свои силы сдерживания. Но нет никаких сомнений, что мир уязвимых наступательных вооружений, более эффективной противоракетной обороны, способной ослабить любые наступательные силы, пережившие первый

Краткий анализ проблемы приводится в статье: Not So MAD: Why Nuclear Stability is Under Threat. *The Economist*, 01.27.2018. О способности искусственного интеллекта (ИИ) подрывать жизнеспособность сил сдерживания посредством возможной быстрой интеграции и оценки огромных объемов данных с датчиков наблюдения, см.: Geist E., Lohn A. *How Might Artificial Intelligence Affect the Risk of Nuclear War?* RAND Perspectives Paper, 2018. В частности, они пишут: «даже если ИИ лишь незначительно улучшит способность интеграции данных о расположении ракет противника, это может существенно подрвать чувство безопасности у страны и кризисную стабильность».

⁷⁶ Детальное исследование одного такого сценария провел Джеймс Эктон в статье: Acton J. Escalation Through Entanglement: How the Vulnerability of Command-and-Control Systems Raises the Risks of an Inadvertent Nuclear War. *International Security*, 2018, vol. 43, no. 1, pp. 56–99.

⁷⁷ См. например: Unal B., Lewis P. *Cybersecurity of Nuclear Weapons Systems: Threats, Vulnerabilities and Consequences*. London: The Royal Institute of International Affairs, 2018. Available at: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2018-01-11-cybersecurity-nuclear-weapons-unal-lewis-final.pdf> (accessed 04.12.2020).

удар, более смертоносного обычного оружия, которое можно использовать против стратегических объектов, а также мир, полный опасений в отношении кибернетической уязвимости будет более опасным и более нестабильным.

Короче говоря, за последние двадцать лет сочетание многих тенденций изменило ядерный ландшафт, и, к сожалению, большинство этих тенденций породило новые трудности и опасения.

Заключение: новые реальности, новые вызовы

Мы живем в новом ядерном мире, который также называют третьим атомным веком⁷⁸. Ядерный порядок образца 1991 г. больше не существует. Оптимистичные и полные надежд цели и возможности ядерного мира, которые предусматривались в 1991 г., так и не были достигнуты. Как мы видим, начиная с конца 90-х годов происходит значительное ухудшение отношений между сверхдержавами, разрушение системы контроля над вооружениями, нарушение норм нераспространения, а также появление и развитие потенциально дестабилизирующих технологий. История, охватывающая десятилетия эволюции от конкурентной нерегулируемой ядерной среды к более дружественному и регулируемому миру, подошла к концу. Вместо этого, как написала Нина Танненвалд, «в эту зарождающуюся ядерную эру ключевые нормы, лежащие в основе существующего ядерного порядка – в первую очередь сдерживание, неприменение и нераспространение – испытывают стрессовую нагрузку. Глобальный ядерный регулируемый порядок рухнет»⁷⁹. Совершенно неясно к чему это все приведет, но очевидно, что старого порядка больше не существует.

В итоге возникает необходимость в том, что Томас Шеллинг назвал «стратегией в эпоху неопределенности». Шеллинг, лауреат Нобелевской премии по экономике и один из выдающихся стратегических мыслителей ядерной эры, следующим образом описал сложность поставленной задачи:

Сегодня мы живем в другом мире, мире намного более сложном, чем время холодной войны между Востоком и Западом. Потребовалось 12 лет, чтобы начать понимать проблему «стабильности» после 1945 года, но как только мы это осознали, мы думали, что поняли ее. Теперь мир настолько изменился, усложнился, стал таким многомерным, непредсказуемым, так много стран, культур и языков участвуют в ядерных отношениях, многие из которых асимметричны, что даже трудно понять сколько значений сейчас существует для понятия

⁷⁸ См. например: Smetana M. A Nuclear Posture Review for the Third Nuclear Age. *The Washington Quarterly*, 2018, vol. 41, no. 3, pp. 137–157. В 90-х годах время после холодной войны стали называть вторым ядерным веком.

⁷⁹ Tannenwald N. *How Strong is the Nuclear Taboo Today?* Pp. 90-91.

«стратегическая стабильность», или сколько вариантов стабильности может существовать в стольких различных международных отношениях, или что именно должно сдерживать «стабильное сдерживание» в мире распространения вооружений⁸⁰.

Фундаментально важный вопрос, несомненно, заключается в том, как мы можем безопасно жить в таком мире? Если текущие тенденции сохранятся, может оказаться, мы будем жить в мире, отмеченном усилением разногласий между супердержавами, бóльшим количеством ядерного оружия, бóльшим количеством ядерных стран, меньшей стабильностью, меньшим уровнем контроля над вооружениями и международным регулированием ядерных отношений на планете. Каковы последствия жизни в таком мире? Какие пути являются наиболее конструктивными? Как наиболее разумно и эффективно управлять этой более сложной средой?

Понимание того, что изменилось за три десятилетия со времени окончания холодной войны и обсуждение последствий этих изменений – важный и необходимый шаг в решении таких вопросов. Нам предстоит принять решения в отношении модернизации, контроля над вооружениями и технологического прогресса, которые помогут сформировать контур нарождающегося ядерного порядка и будут определять относительную безопасность или опасность будущей ядерной среды. Вопросы ядерного мира, возможно, больше не занимают того центрального места, которое занимали ранее, и вполне возможно, что уже постепенно произошли масштабные изменения, которые не получили должного внимания, но мы никак не можем оставлять попытки безопасно ориентироваться в том, что Роберт Легволд назвал «нарастающими трудностями и опасностями нового и совершенно другого ядерного мира»⁸¹.

⁸⁰ Schelling T. *Foreword* in Colby E., Gerson M, eds., *Strategic Stability: Contending Interpretations*. Carlisle, Pa.: U.S. Army War College Press, 2013. vii-viii.

⁸¹ Legvold R. *The Challenges of a Multipolar Nuclear World in a Shifting International Context*. P. 28.

Об авторах

Стивен Миллер – директор Программы международной безопасности Белферского научного центра науки и международных отношений при Гарвардском университете. Он является главным редактором журнала «Международная безопасность» (The International Security) и соредактором серии книг программы «Исследования Белферского центра в области международной безопасности». Ранее он работал старшим научным сотрудником в Стокгольмском международном институте исследований проблем мира (СИПРИ) и читал лекции по исследованиям в области обороны и контроля над вооружениями в Массачусетском технологическом институте (МТИ).

Он является редактором и соредактором более двадцати книг, в том числе книги «Следующая великая война: истоки Первой мировой войны и риск конфликта между США и Китаем», 2014 г. Он выступил редактором двух специальных выпусков журнала «Дедал» (Daedalus) «О глобальном ядерном будущем» (совместно со Скоттом Сейганом, 2009–2010 гг.) и был соавтором монографий Американской академии наук и искусств: «Война с Ираком: цена, последствия и альтернативы» (2002 г.) и «Ядерные столкновения: разногласия, реформа и режим ядерного нераспространения» (2012). Стивен Миллер является сопредседателем Пагуошского комитета США, председателем международного Пагуошского исполнительного комитета, а также членом международного Совета Пагуошского движения ученых. В 2006 г. он был избран членом Американской академии искусств и наук. С тех пор он является членом Совета Академии, председателем проекта Академии «Содействие диалогу по контролю над вооружениями и разоружению», а также содиректором проекта «Глобальное ядерное будущее».

Алексей Арбатов – Руководитель Центра международной безопасности Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Е.М. Примакова РАН, академик (действительный член) РАН. В 1990 г. А. Арбатов был участником переговоров по СНВ-I, в 1994–2003 гг. – заместителем председателя комитета Государственной Думы по обороне, а в 2004–2017 гг. возглавлял программу «Проблемы нераспространения» Московского центра Карнеги.

О проекте «Содействие диалогу по контролю над вооружениями и разоружению»

Быстрое ухудшение отношений между Китаем, Россией и США имеет существенные и тревожные последствия для стабильности и безопасности современного глобального ядерного порядка. В отличие от времен холодной войны, нынешний атомный век характеризуется одновременным крахом соглашений по контролю над вооружениями и отсутствием какого-либо стратегического диалога между основными тремя ядерными игроками, который мог бы минимизировать потенциальные риски ядерной эскалации. Однако, как показали годы холодной войны, создание рабочих групп – платформ для творческого мозгового штурма по вопросам, где у стран есть общие интересы, является необходимым шагом к снижению напряженности и созданию среды более тесного и целеустремленного сотрудничества.

Академия вступила в партнерство с Пагуошскими конференциями по науке и мировым проблемам, чтобы провести серию встреч, начавшихся в 2018 году и изучить потенциальные направления для более масштабного проекта по развитию диалога между ядерными экспертами и бывшими официальными лицами из США, Китая и России. Одно из направлений проектной работы состоит из серии двусторонних диалогов США–Россия и США–Китай с целью определения важнейших целей в области контроля над вооружениями. Второе направление работы будет основано на опыте Академии в организации образовательных сессий для Конгресса США: будут проведены серии встреч с членами Конгресса и их сотрудниками, с тем, чтобы углубить знания в Конгрессе по ключевым вопросам и проблемам, стоящим перед США в области контроля над вооружениями и международной безопасности.

История работы Академии по ядерным вопросам

Академия всегда играла важнейшую роль в ядерной области, особенно когда путь к жизнеспособному сотрудничеству не был очевиден. В 1959 году, на пике холодной войны и ядерного противостояния между США и СССР, члены Американской академии, включая среди прочих

Участники исследования Академии по контролю над вооружениями, 1959 год

Дональда Бреннана, Томаса Шеллинга и Генри Киссинджера, собрались в Академии, чтобы переосмыслить структуру управления отношениями двух супердержав после Второй мировой войны, и предложить новую модель глобального сотрудничества. Работа, проведенная этой группой в партнерстве с политическими лидерами того времени, помогла проложить путь к принятию новой и по-настоящему преобразованной американской ядерной политики, основанной на стратегической стабильности и сокращении, а не наращивании вооружений.

С 1960 года Американская академия искусств и наук реализовала более десяти крупных проектов по вопросам контроля над вооружениями и ядерной политики, от перспектив сдерживающего вооружения на подлодках до международных соглашений по переработке ядерного топлива и космического оружия.

«Инициатива глобального ядерного будущего» (GNF) 2008–2019 гг. была направлена на решение ядерных проблем, таких как минимизация внутренней угрозы и обращение с отработавшим ядерным топливом. «Навстречу вызовам новой атомной эры» (2016 г. – наст. вр.) – двухэтапный проект, цель которого – сформулировать новую структуру для регулирования отношений между девятью существующими ядерными странами, с фокусом на укрепление стратегической стабильности в рамках двух основных ядерных треугольников – Китай–Россия–США и Индия–Пакистан–Китай.

Американская академия искусств и наук

Сохраняем знания, определяем будущее

С момента основания в 1780 году Американская академия служила народу как оплот ученого мира, гражданского диалога и полезных знаний. Являясь одним из старейших научных сообществ и независимых центров политических исследований, Академия собирает лидеров научного и делового мира, а также государственного сектора, чтобы ответить на главные вызовы нашего глобального мира. Благодаря исследованиям, публикациям и программам в области науки, техники и технологий; глобальной безопасности и международных отношений, гуманитарных наук, культуры и искусства, образования и повышения квалификации, американских институтов, общества и общественного блага, Академия предоставляет авторитетные и беспристрастные рекомендации по вопросам политики лидерам правительственного, научного и частного сектора.

Российская академия наук

Российская академия наук учреждена по распоряжению императора Петра I Указом правительствующего Сената от 28 января (8 февраля) 1724 года. Она воссоздана Указом Президента Российской Федерации от 21 ноября 1991 года как высшее научное учреждение России.

Российская академия наук (РАН) является государственной академией наук, организацией науки, осуществляющей научное руководство научными исследованиями в Российской Федерации и проводящей научные исследования, юридическим лицом – некоммерческой организацией, созданной в форме федерального государственного бюджетного учреждения. В Академию входят более 1000 научно-исследовательских институтов, в которых трудятся 40 000 ученых. Академия управляется Президентом, Президиумом и Генеральной ассамблеей, которая состоит из 860 постоянных членов – ученых – и 1100 членов-корреспондентов Академии. Помимо этого, РАН насчитывает 470 почетных иностранных членов. Российская академия наук является правопреемницей Академии наук СССР. Академия является также правопреемником Российской академии медицинских наук и Российской академии сельскохозяйственных наук.

AMERICAN ACADEMY OF ARTS & SCIENCES

 @americanacad
www.amacad.org